

ПРОКЛЯТЫЙ

СЫНЪ.

ПРОКЛЯТЫЙ

СЫНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

БАЛЪЗАКА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ, 23 Маія, 1835 года.

Ценсоръ *Петръ Корсаковъ.*

ПРОКЛЯТЫЙ СЫНЪ.

I.

СПАЛЬНЯ XVI СТОЛѢТІЯ.

Въ бурную, Ноябрьскую ночь, около двухъ часовъ утра, Графиня Дерувиль, пробужденная жестокою болью, догадалась, не смотря на свою неопытность, что роковая минута приближается. Спращующіе почти всегда ищутъ перемѣнить по положеніе, въ кошоромъ заспала ихъ первая боль.

Прокл. сынъ.

Спараясь разсѣяшь мрачныя свои предчувствія, Графиня пыталась привспать, какъ будто для того, чшобъ лучше изслѣдовать свои спраданія, и размыслишь о бѣдспвенномъ положеніи, ее ожидающемъ. Спрахъ ея былъ такъ великъ, чшо не позволялъ ей заняшья опасностью, кошорая всегда пугаетъ женщинъ, ожидающихъ съ препепомъ минушы перваго своего разрѣшенія.

Чшобъ не разбудилъ спящаго мужа, Графиня приподымалась съ оспорожноспію, кошорую можешъ шолько внушинъ нѣжнѣйшая любовь или ужаснѣйшій спрахъ. Хошя спраданія ея спановились часть опъ часу сильнѣе, но съ минушу она ихъ не чувспвовала. Всѣ силы ея были успремлены на шрудное предпріашіе. Покрышая холоднымъ пошомъ, она упиралась руками о подушку, чшобъ нечувспвипельно приподняшья, и перемѣнилъ горизоншальное положеніе ослабнувшаго ея шѣла.

При малѣйшемъ шорохѣ огромнаго, объяриннаго одѣяла, подѣ коимъ она шакъ мало вѣкусила сладкаго сна съ ми- нушы своего замужства, она оспанав- ливалась, какъ будшо бы допрогиваясь до колокольчика. Пошомъ, принужден- ные необходимостію слѣдишь за дѣй- ствіемъ, кошорое могли произвестъ движенія ея на сонъ мужа, большіе го- лубые глаза ея обращались попеременно, то на складки досадной обьяри, то на огромное, смуглое лице, коего усы касались ея плеча. Когда дыханіе спра- жа ея спановилось чѹшь-чунь сильнѣе, то спрахъ Графини умножался и при- давалъ болѣе живости румянцу, кошо- рый близкія спраданія разливали по нѣжному лицу ея. Она походила на пре- спунника, кошорый, ночью у дверей своей шемницы, надѣшся, восполь- зовавшись сномъ шюремнаго спража, оспорожно повернушь въ скрыщу- чемъ замкѣ искусно украденный имъ ключъ.

Наконецъ Графинѣ удалось приподнявшись, не нарушивъ спокойствія, выражавшагося въ чертахъ спавшаго ея супруга. Когда она привстала, то во взорахъ ея блеснула дѣтская радость, признакъ прогашельнаго просподушія ея характера; но улыбка полуразверстныхъ устъ ея скоро исчезла. Какая-то мысль помрачила чело ея, и радостный видъ ея сдѣлался снова печальнымъ. Она тяжело вздохнула, съ новою предоспорожноспью оперлась на подушку; и, какъ бы чувствуя себя свободной мыслями и дѣйствіями въ первый разъ со дня своего замужства, съ робоспью окинула взоромъ все, ея окружавшее. Въ эту минушу, вы сказали бы, что это ппичка, внимательно разсмапривающая свою кльшку.

Легко можно было догадаться, что прежде она была рѣзва, весела, но что судьба мгновенно подкосила ея надежды, и радости превратила въ горесть.

Комната, привлекавшая ея вниманіе, была изъ числа пѣхъ древнихъ покоевъ, копорые и въ наше еще время восьмидесятилѣтній приврапникъ спариннаго замка показываетъ путешественникамъ, какъ парадную спальню Людовика XIII.

Стѣны были покрыты обоями немнаго цвѣта, вспавленными въ рѣзныя панели орѣховаго дерева, почернѣвшія отъ дыханія времени. Виадины, образованныя перекладинами пополка, искусно расположенными, были украшены рѣзбою, и эта опдѣлка въ гошическомъ вкусѣ такъ мало была дошупна свѣту, что трудно было различить рисунки карниза, даже и тогда, когда солнце палящими лучами озаряло высокую и проспранную комнату, въ коей царшвовалъ всегдашній мракъ.

Блѣдное мерцаніе серебряной лампа-

ды, споявшей на огромномъ каминѣ, освѣщало ее такъ слабо, что дрожащій свѣтъ ея можно было уподобить шуманнымъ звѣздамъ, едва примѣшнымъ на облачномъ небѣ осенней ночи.

Уродливыя фигуры, изображенныя на черномъ мраморномъ наличникѣ каминна, расположеннаго почти прошивъ кровати Графини, были такъ опврашипельно безобразны, что она не смѣла остано-
вить на нихъ взора, спрашась примѣш-
пиль въ нихъ движеніе, или услышась
хохощъ разинушыхъ и исковерканныхъ
ршовъ. Въ эту минушу каминъ слу-
жилъ опголоскомъ ужасной бури, сви-
рѣпшвовавшей на океанѣ, ибо онъ съ
удивительной шочностию повпорялъ
всѣ малѣйшіе порывы вѣтра. По не-
помѣрной обширности трубы, опвер-
спіе его имѣло споль прямое сообще-
ніе съ небомъ, что головни казались
оживленными: онъ попеременно, по
вспыхивали, по попухали, смотря по

силъ въпра. Надъ каминомъ былъ высѣченъ изъ бѣлаго мрамора гербъ фамиліи Дерувиль, украшенный шлемами и фигурами, ихъ поддерживающими, и давалъ ему видъ надгробнаго памятника. Очевидно, что каминъ былъ сдѣланъ для симметріи съ кроватью, на коей покоились Графиня и супругъ ея.

Что касается до этого послѣдняго монумента, воздвигнутаго въ честь Гименея, по зодчій нашего времени съ прудомъ могъ бы рѣшишь, была ли комната построена по кровати, или кровать по комнатѣ. Она походила на отдѣленіе, занимаемое въ богатой приходской церкви семействомъ жилищнаго фабриканта.

Супруги всходили по шреть ступенямъ на великолѣпное ложе, споявшее на возвышеніи, и двѣ огромныя, зеленныя обьяринныя занавѣсы, съ блестящими разводами, закрывали ее и ри-

совались такими пвердыми складками. чпо ночью можно было счеспть шелко-
вую машерію за гибкій мешалль.

Въ глубинѣ параднаго ложа, на зеле-
номъ бархатѣ, обложенномъ золопой
бахрамою, было прибито распятіе, по-
мѣщенное шушь наружною набожно-
стію Графовъ Дерувиль, весьма впро-
чемъ мало заботившихся о испинной
религіи. За распятіе капеланъ замка
закладывалъ каждый годъ свѣжую вѣшпвь
освященнаго миршоваго дерева, а въ
Троицынъ день перемѣнялъ свяшую
воду, находившуюся въ маленькій кро-
пильницѣ, вдѣланной въ подножіи кр-
ста.

Съ одной спороны камина споялъ
шкафъ изъ рѣдкаго дерева, искусно
выработанный: подарокъ, получаемый
въ провинціи молодыми въ день свадь-
бы. Въ эсихъ древнихъ баулахъ, нынѣ
шакъ дорого цѣнимыхъ антикваріями,

хранилось бѣлье, дорогія плашья, пояса и всѣ утонченности кокетства шестнадцатаго столѣтія. Это былъ арсеналь, откуда женщины почерпали богатѣйшіе свои наряды.

Для симметріи, съ другой стороны спояла шакого же рода мебель, служившая письменнымъ столомъ Графини. Спаринныя вышитыя кресла, большое зеленоватое Венеціанское зеркало, искусно вставленное въ подвижной шуалень на колесцахъ, довершали убранство комнаты, коей полъ, покрытый Персидскимъ ковромъ, показывалъ нѣжное вниманіе Графа.

На послѣдней ступени, служившей шумбою кровати, находился маленькой шоликъ; на немъ сшавился серебряный или золошой кубокъ, въ копоромъ каждый вечеръ пригопвляли супругамъ питье.

Это описаніе не понравится, можетъ

бышь, нѣкопорымъ чипапеламъ, охопникамъ до приключеній; но съ лѣпами, тайное вліяніе предметовъ на расположеніе души спановипись намъ довольно знакомо и сближася наши чувства съ мѣсположеніями и вещами, насъ окружающими.

Графиня разсмапривала съ ужасомъ шу комнашу, на копорую она еще до сихъ поръ не могла взглянуть шакъ свободно. Суровая эша роскошь казалась ей неумолимою, а въ жизни еспь много непріятныхъ минушъ, въ копорыя мы обрѣшаемъ какой шо залогъ надежды въ предметахъ, насъ окружающихъ. Человѣкъ шакъ суевѣренъ по природѣ, чшо, какъ въ счасшіи шакъ и въ несчасшіи, онъ одушевляеспь всѣ предметы около него находящіеся, къ нимъ прислушивается, съ ними бесѣдуеспь! Въ эшу минушу, Графиня, блуждая взорами по убранствамъ и мебелиамъ, казалось, просила у нихъ, какъ

у живыхъ существъ, помощи и защиты.

Вдругъ буря усилилась. Спановясь боязливѣе съ каждымъ порывомъ грознаго урагана, Графиня Іоанна не смѣла ничего ожидать благопріятнаго подъ этими печальными сводами и при шумѣ разъяренныхъ стихій, борьбу коихъ въ эту эпоху суевѣрія каждый полковалъ по своему.

Графиня, сколько же испуганная волненіемъ природы, сколько и собственными шайными опасеніями, обратила взоры на два готическія окна, находившіяся въ концѣ комнапы; но маленькія стекла и множество окружающихъ ихъ свинцовыхъ переплетовъ мѣшали ей удостовѣриться, по состоянію небеснаго свода, о немедленномъ приближеніи конца міра, что предвѣщали тогда многіе монахи, искавшіе подаяній. Графиня могла бы легко по-

му повѣришь, ибо плескъ яростныхъ волнъ, съ шумомъ разбиваясь у подошвы замка, сливался съ ревомъ бури, и колебаль ушесы. Это грозное усиліе природы возбудило новый страхъ въ груди будущей машери; но она медленно обратилась къ распящю, и безъ ропота, единымъ взоромъ, возложивъ все упованіе на Всемогущаго, осмѣлилась взглянуть на своего мужа.

Хотя снраданія ея усиливались часъ ошь часу болѣе, но опираясь на опягченныя усалосщю руки, она не испустила ни малѣйшаго спона и не осмѣлилась разбудишь судьбой даннаго ей покровишеля, помощь коего, на ея мѣспѣ, пошребовала бы всякая другая женщина.

Съ любопытствомъ и ужасомъ разсмашривала она черпы, на кои боялась до сихъ поръ взглянуть приспально.

Казалось, что одно опчаяніе могло

внушивъ ей желаніе проникнуть ихъ тайну.

Хотя предметы, ее окружавшіе, были мрачны, но лице мужа, какъ спокойно оно ни было во время сна, казалось еще мрачнѣе, а жилище споло хозяина. Трещущій свѣтъ лампы, колеблемый порывами вѣтра, исчезалъ у подножія кровати, и, освѣщая только изрѣдка голову Графа, казалось, выражалъ на лицѣ его, объятѣ сномъ, бореніе грозныхъ помысловъ. Эпошь видъ испугалъ было Графиню, которая едва успокоилась, узнавъ причину эпошого феномена. Всякой разъ, когда полоса свѣта, касаясь огромнаго лица, опшѣняла рѣзкія его черпы, она думала, что мужъ просыпается и устремляетъ на нее взоры, коихъ суровость была для нея нестерпима.

Чело Графа было грозное даже и во время сна: многочисленныя полосы при-

давали ему нѣкопорое сходство съ камнями, испоченными червями, кои иногда находясь близъ памятниковъ, а волосы, посѣдѣвшіе прежде времени, уподоблялись бѣлому или зеленому мху, висящему на вѣтвяхъ стараго дуба. Суровая неперпимость выражалась на воинственномъ и неумолимомъ челѣ. Орлиный носъ, высунувшіяся кости лица, суровость глубокихъ морщинъ, презрѣніе, выражаемое нижнею губой, темная обрисовка глазъ, все выражало жестокость, честолюбіе, нѣмъ болѣе опасное, чпо узкая голова его была признакомъ малаго ума. Въ эпихъ чертахъ, еще болѣе обезображенныхъ широкимъ шрамомъ, легко можно было прочесть врожденную неустрашимость безъ всякаго великодушія. Давнишній рубецъ, пересѣкая лице его поперегъ, образовалъ на правой щекѣ опшверсіе, подобное ршу.

Тридцати лѣтъ, Графъ опличился

во время несчастной войны за вѣру, началомъ коей была Варооломеевская ночь. Онъ былъ жестоко раненъ при осадѣ Ларошели. Неудача еще болѣе усилила ненависть его противъ реформаторовъ; а по нравственному расположенію, довольно естественному, онъ питалъ одинакое чувство непріязни, какъ къ Кальвинистамъ, такъ и къ мужчинамъ привлекательной наружности. Недовѣрчивость, внушенная ему безобразіемъ, породила въ немъ подозрительность; полагая невозможнымъ внушить спросъ женщинъ, нравъ его сталъ еще суровѣе, и если онъ имѣлъ удачу въ любви, то былъ ею обязанъ страху, вселяемому его жестокостью.

Лѣвая рука ужаснаго Каполика, свѣсившаяся съ кровати, дополняла описаніе его характера. Рука, казалось, сперегла Графиню, какъ скупой спережетъ свое сокровище; огромная, жилистая, покрытая волосами и сильно

означающимися мускулами, эша рука походила на буковую въшвь, обвисшую корнями засохшаго плюща.

Ребенокъ, разсмапривая могущеспвенное лице Графа, счель бы его за одного изъ пѣхъ огромныхъ колдуновъ, о копхъ онъ пакъ много наслышался опъ кормилицы. Довольно было взглянуть на проспранспво, занимаемое Графомъ на кровати, чшобъ судить о необыкновенной его величинѣ. Съдыя, навислыя брови придавали сѣрымъ глазамъ его сходспво съ свирѣщымъ взглядомъ волка. Широкіе усы закрывали верхнюю губу, пошому чшо онъ особенно презиралъ все, касающееся до шуалеша; но къ счастью Графини, въ шу минушу огромный ропъ его безмолспвоваля: звуки его голоса, даже самыя миролюбивыя, заспавляли ее прешеша. Наконецъ, хошя Графу Дерувиль было шолько пашьдесяшъ лѣшъ, но всякой, при первомъ на него взглядѣ,

далъ бы ему шестидесятъ; такъ трудная военная жизнь обезобразила черты его, хотя ни мало не повредила крѣпкому его сложенію; — но онъ мало заботился о томъ, чѣмъ слыть красавцемъ.

Графиня, которой едва исполнилось восемнадцать лѣтъ, соспавляла жалкую противоположность съ этою ужасною фигурой. Она была стройна, нѣжна, бѣла; каштановые ея волосы вились локонами по плечамъ. Она казалась воздушнымъ явленіемъ.

— Нѣтъ, онъ не убьетъ насъ!..... мысленно сказала она, долго всматриваясь въ черты своего супруга. Онъ справедливъ, благороденъ, храбръ, вѣренъ своему слову..... Вѣренъ слову?....

Повторяя слова эти мысленно, она вздрогнула, поблѣднѣла и оцѣпенѣніе изобразилось въ ея взорахъ.

Чтобъ понять весь ужасъ положенія Графини, нужно знать, что эпаночная сцена происходила въ 1595 году, въ эпоху междоусобной войны, въ которую законы пошеряли во Франціи всю власть свою. Парція Лиги, пропивившаяся восшествію на престолъ Генриха IV, безчинствомъ своимъ превосходила всѣ бѣдствія прошедшей войны. Ея своевольство усилилось до того, что убійства, по повелѣнію самихъ вельможъ, совершались явно и безнаказанно, даже днемъ. Если какое нибудь военное дѣйствіе, имѣвшее въ виду частную выгоду, было ведено съ благоразуміемъ, то доспапочно было предпринять его во имя Лиги или Короля, чтобъ заслужить одобреніе обѣихъ парцій.

Убійствами же, совершенными въ семействахъ, такъ мало занимались, говорятъ одинъ изъ современниковъ, какъ *скошенными колосьями*; и они развѣ пог-

да только возбуждали вниманіе, когда сопровождались необыкновенными жестокостями.

Графъ Дерувиль, одинъ изъ опчальныхъ роялистовъ Нормандіи, успрашалъ жестокими казнями всю западную часть этой провинціи, граничившей съ Брешаньсю, и держалъ ее въ повиновеніи Генриху IV. Будучи главою одной изъ богатѣйшихъ Французскихъ фамилій, онъ значительнo умножилъ доходы своихъ многочисленныхъ помѣстьевъ, женившись, за семь мѣсяцевъ до той ночи, съ которой начинается наша исторія, на Іоаннъ де Сенпъ-Савенъ, молодой дѣвушкѣ, сдѣлавшейся, по случаю, довольно обыкновенному въ это время, когда люди умирали какъ мухи, единственною наследницею всѣхъ имуществъ Сенпъ-Савенекаго дома.

Два мѣсяца спустя, на обѣдѣ, дан-

номъ городомъ Баіе Графу и Графинѣ Дерувиль, по случаю ихъ брака, зашелъ споръ, который въ эпю эпоху невѣжества находили нелѣпымъ и неприличнымъ. Онъ касался мнимаго законнаго права дѣшей, рожденныхъ черезъ десять мѣсяцевъ послѣ смерти мужа, или черезъ семь мѣсяцевъ спустя послѣ первой ночи брака.

— Сударыня, сказалъ съ грубостью Графъ женѣ своей, что касаешься до того, чтобы произвести на свѣтъ ребенка спустя десять мѣсяцевъ послѣ моей смерти.... шупъ уже я ничего не могу сдѣлать!.... Но не совѣшую вамъ начать въ первые семь мѣсяцевъ.

— Что же бы ты сдѣлалъ, старый медвѣдь? спросилъ молодой Маркизь де Понкаре, думая, что Графъ шупишь.

— Я бы свернулъ шею, какъ маме-ри, шакъ и ребенку.

Ръшипельный опвѣщъ прекратилъ разговоръ, весьма не кспаци начашый лекаремъ изъ нижней Нормандіи. Всѣ госпи замолчали, взглянувъ съ нѣкоторымъ ужасомъ на прелестную Графиню Дерувиль; всѣ были почти увѣрены, что, въ подобномъ случаѣ, извергъ исполнишь угрозу.

Спрашныя слова Графа опозвались въ сердце Іоанны, тогда беременной, и въ ту самую мину, одно изъ пѣхъ ужасныхъ предчувствій, озаряющихъ душу какъ молнія, шепнуло ей, что она черезъ семь мѣсяцевъ будешъ машерью. Сердце ея облилось кровью, въ ухахъ спрашно зазвучало. Съ пѣхъ поръ не проходило дня, чтобъ пайный спрахъ не охлаждалъ невиннѣйшихъ порывовъ души ея.

Теперь, она припоминала взоръ и голосъ мужа, когда онъ произнесъ эти слова; кровь спыла въ ея жилахъ, и забывая

спрадапія, склонясь на лице супруга, она искала въ немъ признаковъ жальспи. Вдругъ, чувспвуя рожденіе ребенка, обреченнаго на смерть еще прежде рожденія, она со вздохомъ шихо произнесла:

— Бѣдное дитя!.....

Она не кончила восклицанія. Есть мысли, несперпимыя для сердца матери, и Графиня, будучи въ эту минушу не въ соспоянїи ни о чемъ думаешь, почувспвовала какую то неизвѣспную, сердечную шоску, ее удушавшую. Двѣ блестящія слезы выкапились изъ глазъ ея, шихо спруились по щекамъ и оспановились на бѣломъ лицѣ, какъ двѣ капли росы на цвѣткѣ.

Гореспь, ее снѣдавшая, отправляла всю ея жизнь, шакъ какъ ядовитыя испаренія заражають воздухъ зеленъющей долины. Кровавый опѣвнѣ Гра-

фа былъ для нея тайнымъ кольцемъ, связывавшимъ происшествія первой ея молодости съ этими преждевременными спраданіями, и низкое его подозрѣніе, споль явно обнаруженное, примѣшивало къ ея воспоминаніямъ весь ужасъ будущей ея судьбы.

Съ самаго этого несчастнаго обѣда Юанна не позволяла себѣ вспоминать прошедшаго. Она сполько же употребляла усилій, чпобѣ опдалить опть мыслей прелестныя карпины, рисуемая ея живымъ воображеніемъ, сколько другая находила бы упѣшенія имъ предаваться. Она опказывала себѣ въ удовольствіи мечпашь о томъ счастливомъ времени, когда была еще свободна. Помышленія ея, подобно напѣвамъ роднаго края, испоргающимъ слезы изгнанниковъ, напоминали ей ощущенія споль сладостныя, чпо юная совѣсть упрекала ее въ нихъ, какъ въ пресупленіи. Этихъ воспоминанія слу-

жили для нея исполкованіемъ спраш-ныхъ угрозъ ея супруга, и въ нихъ по заключалась испинная и важная шайна того опчаянія, которому Графиня предавалась въ эту минушу.

Опдыхъ умспвенныхъ и пѣлесныхъ способностей спящаго челоуѣка придаетъ черпамъ его какое по сладосшное и пріяпное выраженіе. И хопя опсушествіе спрастей не могло сообщити ни какой прелести лицу Графа, но несчастнымъ такъ пріяпно заблуждаешься, что молодая супруга въ этомъ обманчивомъ спокойшвіи находила надежду. Наконецъ ея опасенія и спраданія позволили ей на минушу опдохнуть. Буря, упихая, изливалась дождсвыми попоками и звучала унымо. Графиня, всмаприваясь въ черпы челоуѣка, съ коимъ жизнь ея была соединена навѣки, невольно предалась мечпамъ, сладосши коихъ она не въ силахъ была сопротивляться.

Тогда способность душевнаго созерцанія, вдохновенная свыше, живо представила ей прелестныя карпины минувшаго ея счастья.

Сперва слабо, и какъ бы при опдаленномъ свѣтѣ упренней зари, увидѣла она смиренный замокъ, гдѣ пропекли счастливые дни беззаботнаго ея дѣтства; зеленый лугъ, прозрачный ручей и маленькую комнату, гдѣ она такъ часто игривала. Она видѣла, что срываетъ цвѣты, сажаетъ ихъ, не догадываясь, опъ чего они скоро вяли, хопя она ихъ тщательо поливала.

Скоро, также смупно, представился ей обширный городъ и старинный каменный домъ, куда отвезли ее семьлтъ. Тогда насмѣшливая память черпила предъ ней головы старыхъ учителей, ей досаждавшихъ. Потомъ, между Италіянскими и Испанскими словами, мысленно прислушиваясь къ роман-

самъ и звукамъ люпни, она вспомнила о своемъ опцѣ: возвращаясь изъ парламента, при помощи большаго камня, опцъ слѣзалъ съ лошади, медленно всходилъ по лѣспницѣ и слагалъ съ себя судейскія заботы, скидая черное или красное плашье, опцъ котораго однажды шалунья опрѣзала кусочекъ горноспасваго мѣха. Мысль ея скользнула на духовникъ своей мапери, на учипелъ Закона Божія. Она вспомнила, что онъ первый заставилъ ее препенашъ, сдѣлалъ ее слабою и боязливою. Она стала робка, молчалива, не смѣла поднять глазъ, и сохраняла къ мапери, раздѣлявшей до шѣхъ поръ ся игры, одно только уваженіе. Съ того времени священный ужасъ наполнялъ юное ея сердце всякой разъ, когда обожаемая мапъ оспанавливала на ней голубые глаза свои съ малѣйшимъ неудовольствіемъ.

Вдругъ увидѣла она вшорую эпоху своего дѣшства, въ которую многое въ

жизни было для нея непонятно, и еще разъ проспилась съ шѣмъ временемъ, когда сидѣшь въ маленькой госпоиной вмѣстѣ съ маперью за работою, молишься съ нею въ церкви, пѣшь романсы, украдкой читаешь рыцарскій романъ, изъ любопытства обрываешь листки у цвѣпка, ожидаешь опть опца подарковъ въ блаженный день Св. Иоанны и стараешься разгадывать смыслъ недоконченыхъ при ней фразъ, было для нея неисчерпаемымъ источникомъ счастья....

Но одной мыслью она изгладила, такъ какъ мы спираемъ слова, начертанныя въ памятной книжкѣ, всѣ дѣтскія радости, которыя, въ промежутокъ физическихъ и моральныхъ ея спраданій, живое воображеніе почерпнуло изъ картинъ первыхъ шестнадцати лѣтъ ея жизни; и скоро прелестъ эпого чвснаго кристалла запмилась блескомъ другаго, позднѣйшаго вос-

поминанiя ; радостное спокойствiе дѣшпва приносило ей менѣ удовольствiя, нежели волненiе послѣднихъ двухъ лѣтъ ея жизни, лѣтъ, споль богатыхъ сокровищами, навсегда погребенными въ ея сердцѣ....

Графиня быспро перенеслась въ по восхищительное ушро, когда въ углу большой дубоваго дерева прiемной, служившей шакже и гостиною, она въ первый разъ увидѣла своего двоюроднаго брата. Родшвенники маперн, спрашась волненiй, происходившихъ тогда въ Парижѣ, прислали этого молодаго придворнаго въ Руанъ, надѣясь, что онъ усовершенствуется въ юриспруденции подъ руководствомъ дяди.

Графиня невольнo улыбнулась, вспомнивъ, съ какою поспѣшностью она удалилась, увидя въ споловой ожидаднаго, незнакомаго ей родшвенника ; но, не взирая на шоропливость, съ кошорою

она отворила и снова зашворила дверь, она однимъ взглядомъ, на него брошеннымъ, такъ хорошо его разсмотрѣла, что даже въ эту минушу думала видѣть его передъ собою.

Она успѣла украдкой различить изящный вкусъ и роскошь Парижскаго туалета; но теперь, при воспоминаніи прошедшаго, будучи смѣлѣе, нежели въ это крапкое и невинное свиданіе, она съ удовольствіемъ припоминала фіолетовую, золотомъ шипую эпанчу, подбитую апласомъ; сапожки, обшитыя чернымъ кружевомъ; красивые буфы корольскаго полукафтанья и нижняго плашья; бѣлыя накрахмаленныя манжеты, а особливо свѣжее и молодое лице, опличавшееся маленькими закрученными вверхъ усиками, и испанкой, походившей на одинъ изъ горноспаевыхъ хвостиковъ, разбросанныхъ на эпанчѣ ея опца.

Среди ночной тишины, уснувши

взоры на зеленую обьярь, кошорой она уже болѣе на замѣчала, забывъ и мужа и бурю, Графиня осмѣлилась вспомнить о томъ времени, когда по прошествіи нѣсколькихъ дней, казавшихся ей годами, когда все, и садъ, окруженный спарыми почернѣвшими спѣнами, и мрачный домъ опца ея, получили новый блескъ въ глазахъ ея: она любила и была любима!... Попомъ, боясь спрогихъ взоровъ машери, она упромъ тихо подкралась въ кабинетъ опца, чшобъ повѣришь ему свою шайну, съла къ нему на колѣни и сорвавъ желанную улыбку съ успѣ краснорѣчиваго Президентша, она сказала ему:

— Будете ли вы бранить меня, если.....?

Ей слышался голосъ опца, сказавшаго ей послѣ допросовъ, въ коихъ она въ первый разъ говорила о любви своей: — Хорошо! другъ мой, мы увидимъ.

Если онъ будетъ прилѣженъ, если захочетъ, займешь мою должность, если все также будетъ тебѣ нравиться..... тогда я вмѣстѣ съ тобой соспавлю заговоръ для своего счастья.....

И тогда, не слыша ничего болѣе, она обняла своего отца, сронила его бумаги, бросаясь бѣжаешь къ большой липѣ, подъ стѣною коей она всякое утро встрѣчала двоюроднаго своего брата, Жоржа Шаверни!

Давъ ей обѣщаніе посвятивъ себя изученію законовъ, молодой придворный промѣнялъ богашую одежду воина на смиренное платье гражданина.

— Ты мнѣ болѣе нравишься въ черномъ, сказала она ему.

Она говорила прошивъ себя; но ложь эта заспавила ея любезнаго менѣе жалѣть о блестящемъ воинскомъ нарядѣ,

имъ оспавленномъ. Наконецъ она вспомнила хипроспи, употребляемая ею для избѣжанія спрогого надзора машери, доставлявшія ей неисчерпаемый испочникъ невинныхъ удовольствій взаимной любви, не запрещаеомой родипелами.

Переносясь какъ бы сновидѣнїемъ въ шѣ прелеспные дни, въ счаспьи коихъ она шѣмъ болѣе упрекала себя, чѣмъ сильнѣе чувспвовала ихъ наслажденїе, она любовалась эшимъ юнымъ лицомъ съ пламенными взорами и алыми успами, пакъ нѣжно выражавшими любовь. Она любила Шаверни, пошому чшо онъ былъ бѣденъ, и съ избыпкомъ была вознаграждена сокровищами, копорыя вмѣщала эпа нѣжная и кропкая душа!...

Но Президентъ умираетъ и Шаверни не заспуаетъ его мѣсна. Междоусобная война возгараетъ съ большею силой. Спаранїемъ Жоржа, она вмѣстѣ

съ матерью находишь тайное убѣжище въ маленькомъ городкѣ нижней Нормандіи. Скоро смерть нѣкоторыхъ родственниковъ доставляетъ ей одно изъ богатѣйшихъ приданыхъ во Франціи; вмѣстѣ съ умѣренностію соспожня улепаетъ ея счастье. Тогда, подобно мрачному покрову ночи, заплмѣвающему сіяніе солнца, является ей грозный и суровый образъ Графа Дерувиль, который пребудетъ ея руки и получаетъ ее посредствомъ вселяемаго имъ страха. Бѣдная Графиня спарается изгнать изъ мыслей ужасныя сцены ея опчальнія и слезъ, виною коихъ было продолжительное ея сопротивленіе; но ей какъ бы смущено предсказывается пожаръ маленькаго городка, и заключеніе Шаверни. Потомъ она доходитъ до того ужаснаго вечера, когда блѣдная, умирающая мать лежала у ногъ ея. Она соглашается; ночь наступаетъ; является Графъ, окровавленный, съ ноля сраженія. Она обречена на несча-

спіе. Едва имѣешь она время сказаць Жоржу:

— Шаверни, если ты меня любишь, то избѣгай случая со мной видѣться!

Она слышитъ еще отдаленный звукъ шаговъ своего друга. Она хранитъ въ глубинѣ души послѣдній взоръ его, копорый такъ часно мечтается ей во снѣ. Теперь она походитъ на мышку, запершую въ клѣткѣ льва, спрашась ежеминутно ужасныхъ, поднятыхъ на нее когтей своего власпелина. Графиня считаешь даже пресупленіемъ надѣвашь плашье, копорое было на ней въ тошъ день, когда она въ первый разъ увидѣла своего любезнаго. Чшобъ ей бышь счастливой въ наспоащемъ, она должна была забышь прошедшее, и не думаешь о будущемъ.

— Я не чувспвую себя виновной, говорила она; но если я кажусь пре-

спушной въ глазахъ Графа..... онъ шакъ ревнивъ!....

Она оспановилась; и въ эту минушу безразсудности, она по своему просто-сердечію гопова была приписать последнему свиданію съ любезнымъ настоящія свои спраданія; но это предположеніе, свойспвенное тому невинному возраспу, въ эпоху коего она мысленно и шакъ неоспорожно переносилась, исчезло предъ воспоминаніями, которыя были ужаснѣе смерти. Бѣдная Графиня не могла болѣе сомнѣваться въ законности ребенка, препенущаго въ груди ея, ибо первая ночь, брака представилась ей со всѣми ея ужасами, влача за собой много ночей ей подобныхъ, и сполько же гореспныхъ дней!...

— Ахъ! вскричала она, если бъ это былъ Шаверни!....

Тутъ она горько заплакала и уха-

пясь за изголовье, обратила взоры на мужа, какъ бы для того, чшобъ еще разъ прочесшь въ черпахъ лица его надежду на милосердіе, споль дорого ею купленное.....

Она громко вскрикнула.

Графъ проснулся. Сѣрые глаза его, подобно глазамъ шигра, сверкали изъ подъ густыхъ бровей, и были устремлены съ укоризною на Графиню, на которую онъ вѣроятно смотрѣлъ уже болѣе минушы.

Испуганная ужаснымъ взоромъ, она спрясалась подъ одеяло и оспавалась безъ движенія.

II.

В Р А Ч Ъ.

— О чемъ ты плачешь? спросилъ Графъ, сдернувъ одѣяло, копорымъ закрылась жена его.

Голось, для нея всегда ужасный, имѣлъ въ эпу минушу какую-то обманчивую кропость, копорая показала ей хорошимъ предзнаменованіемъ.

— Я очень спрадаю, отвѣчала она.

— Такъ что же! моя милая, это не есть еще преступленіе! Опъ чего же ты сиряпалась, когда я посмопрѣлъ на тебя? Чѣмъ могу я заслужить любовь твою?

Онъ вздохнулъ и нахмурилъ брови.

— Я всегда тебя пугаю, я это вижу!.....

Спонъ Графини прервалъ рѣчь его, и, по влеченію робкихъ и слабыхъ характеровъ, она вдругъ вскричала:

— Я боюсь выкинуть! Я цѣлый вечеръ бѣгала по скаламъ и, можешь быть, слишкомъ упомилась,.....

Она запрепешала, произнеся эти слова; мужъ глядѣлъ на нее пристально; ибо принимая страхъ, вселяемый имъ въ это невинное существо, за угрызеніе совѣсти, онъ возразилъ:

— Но, можешъ бышь, эшо и насполящія роды....

— Ну, шакъ чшо же?... сказала она.

— Во всякомъ случаѣ, здѣсь нуженъ кто нибудь поискуснѣе, и я за нимъ съѣзжу....

Мрачный видъ, съ коимъ онъ произнесъ эти слова, обдалъ холодомъ сердце Графини. Она снова упала на кровать, испутивъ жалоспный вопль, испоргнуый болѣе ужаснымъ ожиданіемъ предстоящей ей участи, чѣмъ усиливающимися мѹками.

Эти спенанія придали болѣе силы подозрѣніямъ, возникшимъ въ душѣ Графа. Скрытное бѣшенство терзало сердце его; но, спараясь показашъ спокойствіе, коему явно пропиворѣчили голосъ, видъ и взоры его, онъ вскочилъ, и, накинувъ шоропливо черную бархат-

ную одежду, лежавшую на креслахъ, заперъ дверь, находившуюся возлѣ камина, чрезъ которую можно было пройти изъ спальни въ пріемные покои, а опшуда на парадную лѣспницу.

Замѣшивъ, съ какимъ пщаніемъ мужъ пряпалъ ключъ, Графиня предчувствовала какое нибудь несчастіе. Съ неизъяснимой поскою слѣдивъ за малѣйшими его движеніями, она слышала, какъ онъ отворилъ дверь, прошивуположную пою, которую заперъ, и вошелъ въ другой покой, служившій спальнею Графамъ Дерувиль въ такомъ случаѣ, когда жены ихъ не были удостоены ихъ сообщества. Но Графиня знала эту комнату только по слухамъ, ибо со времени ея замужства одни походы могли заспавлять Графа покидать парадное ложе свое; но должно полагать, что даже и во время этихъ невольныхъ оплучекъ, въ замкѣ оставался не одинъ аргусъ.

Тогда вокругъ Графини воцарилась глубокая тишина, и, не смотря на вниманіе, съ копорымъ она прислушивалась къ малѣйшему шороху, она не слыхала ничего, чпобъ могло опкрышь ей намѣреніе мужа.

Графъ вошелъ въ длинную галлерею, копорая примыкала къ его комнашѣ и занимала всю западную часть замка. Двоюродный дѣдъ его, кардиналъ Дерувиль, спраспный охотникъ до печашнаго, помѣспилъ въ ней библіошеку, замѣчашельную какъ по своей многочисленности, такъ и по красотѣ издавій; а предосторожность заспавила его упошребить въ дѣйствіе одно изъ чудесныхъ изобрѣшеній, внушаемыхъ какъ уединеніемъ, такъ и монаспырскою робоспью.

Серебряная цѣпь, искусно скрпшая въ спѣнѣ помощью шайныхъ проводочныхъ нишей, приводила въ движе-

нѣ колокольчикъ, висѣвшій у изголовья
вѣрнаго слуги.

Графъ, желая дѣйствовать какъ можно скрытнѣе, вошелъ шуда ошупью и тихо дернулъ цѣпь. Скоро брянчаніе шпоръ и спукъ огромныхъ сапогъ спараго оруженосца раздался по чугуннымъ ступенямъ крупной лѣстницы, служившей входомъ въ высокую башню, защищавшую западную часть замка со стороны моря. Услыша приближающіеся шаги поварища, дѣлившаго съ нимъ всю опасности, Графъ снялъ желѣзные запоры и задвижки съ пошпенной двери, чрезъ копорую галлерей сообщалась съ башнею, и ввелъ въ это свящилище наукъ служителя, достойнаго своего господина.

Полусонный оруженосецъ, казалось, пришелъ по инстинкту. Маленькій фонарь, бывшій у него въ рукѣ, столь слабо освѣщаль эту длинную галлерей,

что баринъ и слуга мелькали во мракъ какъ привидѣнiя.

— Осѣдай сейчасъ мою походную лошадь, и будь гошовъ за мной слѣдовашь..... сказалъ Графъ значущимъ голосомъ, копорый пробудилъ всю поняпливость слуги.

Поднявъ глаза на своего господина, онъ встрѣпилъ взоръ, копорый имѣлъ на него дѣйствiе элекприческаго удара.

— Бершранъ, прибавилъ Графъ, положи правую руку на плечо оруженосца, вмѣсто лапъ шы надѣнешъ одежду Капитана Микелешовъ.

— Бога ради, сударь, какъ, мнѣ переодѣшься лигеромъ?.... Не во гнѣвъ вашей милости, я исполню приказанiе ваше: но мнѣ легче бышь повѣшену!...

Графъ улыбнулся съ самодовольнымъ

видомъ, ибо старый оруженосецъ пронуль слабую спруну его; но, чпобъ изгладить улыбку, составлявшую разительную прошивуположность съ мрачнымъ выраженіемъ его лица, онъ продолжалъ угрюмо:

— Смотри, возьми шакого коня, чпобъ опъ меня не опспавашъ. Мы пущимся какъ изъ лука стрѣла. Будь гошовъ какъ только я шебя попребую; я опяшь позвоню.

Берспранъ молча поклонился, и вышелъ. Когда онъ сошелъ нѣсколько ступеней, то прворчалъ про себя, прислушиваясь къ реву бури:

— Всъ черпи на дворъ разыгрались!... такъ куда же ему усидѣшь спокойно. Въ подобную бурю мы въ распахъ напали на Сень-Ло!....

Графъ нашель въ своей комнашъ оде-

жду, соопывъ испвовавшую его намѣреніямъ, и употребляемую имъ часпо для исполненія какой нибудь военной хинпроси. Онъ надѣлъ полспаго сукна кафпанъ, преобразившій его въ одного изъ бѣдныхъ рейшаровъ, получавшихъ скудное свое жалованье опъ Генриха IV, и поспѣшно возвратилсѧ въ комнапу, гдѣ спрадала жена его.

— Поперпи, сказалъ онъ. Я не пожалю лошади, если нужно, чпобъ возвратишься скорѣе и поданъ тебѣ помощь.

Не смопря на суровый голосъ мужа, эши слова, казавшіяся опрадными, ободрили Графиню, и она уже гоповилась сдѣлать ему вопросъ, какъ Графъ вдругъ спросилъ ее:

— Скажи мнѣ, куда кладешь ты свои маски?

— Мои маски!.... опвѣчала она. Боже мой! на что онъ вамъ?....

— Гдѣ твои маски? повспорилъ онъ съ обыкновенной своей запальчивостью.

— Въ баулѣ, сказала она.

Графиня невольно запрепешала, видя, что мужъ ея, вынувъ всѣ ея маски, съ удивительнымъ щканіемъ спарался закрыть лице свое, помощью фальшиваго носа или другихъ частей лица, что было въ это время въ такомъ же употребленіи у дамъ, какъ нынѣ перчатки.

Графа почти невозможно было узнать, когда онъ надѣлъ сърую войлочную шляпу, осяненную спарымъ, изломаннымъ пѣшуньимъ перомъ. Онъ опоясался кожаной поршупеею, вложивъ въ ножны длинную шпагу, весьма рѣдко имъ употребляемую.

Въ эту минушу, онъ подошелъ къ кровати съ такимъ необыкновеннымъ движеніемъ, и грубая его одежда придавала ему такой страшный видъ, что Графиня думала, что насталь послѣдній ея часъ.

— Ахъ! не убивайте насъ!.... вскричала она. Оставьте мнѣ моего ребенка, и я буду васъ такъ любить!....

— Видно ты чувствуешь себя очень виновною, что предлагаешь мнѣ должную любовь, какъ выкупъ?....

Оскорбительныя слова были произнесены съ сверкающимъ взоромъ, а подъ бархатомъ голосъ Графа казался еще суровѣе. Опечаленная Графиня вскричала горестно:

— Боже мой, неужели голосъ невинности такъ слабъ!

— Здѣсь дѣло идетъ не о смерти

швоей, отвѣчалъ Графъ, выходя изъ минушной задумчивости, но о помъ, чшобъ изъ любви ко мнѣ исполнишь шо, что я теперь пребую.

Онъ бросилъ на кровашь маску, и улыбка сожалѣнiя показалась на лицѣ его, когда онъ замѣпилъ движенiе спраха, возбужденное въ женѣ паденiемъ куска чернаго бархата.

— Чшобъ эша маска была на лицѣ швоемъ, когда я возвращусь, прибавилъ онъ: я не хочу чшобы мужчина, даже ничего не значущiй, смѣлъ похвалишься, что видѣлъ Графиню Дерувиль!....

— Зачѣмъ же мужчина? спросила она тихо.

— О! о! моя милая, развѣ не я здѣсь господинъ? отвѣчалъ Графъ.

— Одной пайшой меньше или боль-

ше, все равно!.... сказала Графиня въ опчаяньи. Власпелинъ ея былъ уже далеко, и это восклицаніе не могло быть для нея опасно.

Въ короткіе промежутки тишины между порывами бури, Графиня слышала попопъ двухъ лошадей: онъ, казалось, лезъли по холмамъ вдоль морскаго берега, и по скаламъ около спараго зѣмка; но звукъ ушихъ, заглушенный плескомъ волнъ, и она оспалась въ мрачной комнапъ, одна среди ночи, попеременно, по шихой, по грозной, и безъ всякаго пособія, могущаго отклонить опасность, приближающуюся къ ней скорыми шагами, какъ развязку первыхъ ея мукъ.

Думая, что, можетъ быть, она одолжена жизнью невинной хипроспи, заспавившей мужа ея бояться недоноса, Графиня новой уловкой искала спасти жизнь своего ребенка. Это слабое су-

щесиво, пріявшее бышіе свое среди слезъ и опчаянія, заключало въ себѣ всю жизнь ея. Цѣлыя пяць мѣсяцевъ оно было единственнѣмъ ея утѣшеніемъ, предметомъ всѣхъ мыслей ея, всей ея будущности, единственною и слабою ея надеждою.

Она вспала; маперинская любовь придавала ей силы, и, взявъ мѣдный рогъ, копорый мужъ ея обыкновенно употреблялъ, чшобъ кликашь слугъ своихъ, она отворила окно; но, слабые звуки терялись на поверхности обширныхъ водъ, какъ мыльный пузырь, пущенный ребенкомъ, теряется въ воздухъ. Она горько заплакала, узнавъ всю бесполезность жалобъ, не достигающихъ до слуха людей. Проходя по комнапамъ, она надѣялась, чшо не всѣ выходы быми запершы. Дошедъ до библіотеки, она искала какого нибудь шайнаго въ нее входа, но напрасно. Бросясь къ концу длинной галлерей, она подо-

шла къ окну, которое было ближе къ главному двору замка, и шпшь, снова запрубивъ въ рогъ, она еще разъ увидѣла, что безъ успѣха боролась съ могущесшвеннымъ голосомъ бури.

Полумертвая и лишенная всей надежды, Графиня рѣшилась ввѣришься одной изъ надсморщицъ, коими окружилъ ея мужъ, но, войдя въ образную свою, она увидѣла, что дверь, ведущая въ покои ея горничныхъ, была заперта. Она едва могла дошаципсь до кровати. Чѣмъ безнадежнѣе спановилось ея положеніе, шѣмъ болѣе спраданія усиливались, и шпшь она еще сильнѣе почувсшвовала ихъ шяжесшь; ея опчаяніе, и усилія, употребленныя ею для спасенія ребенка, лишили ее послѣднихъ силъ. Она походила на упопающаго, который, упомясь, изнемогаешъ, увлеченный волною, уже не споль яросшною какъ предъидущія.

Скоро спраданія заставили ее за-

быть ходъ времени. Въ эту самую минушу, какъ она уже готовилась сдѣлаться маперью безъ посторонней помощи, и когда, ко всѣмъ ужаснымъ ея ожиданіямъ, присоединился спрахъ шѣхъ несчастныхъ случаевъ, коимъ могла ее подвергнуть неопытность, вдругъ Графъ неожиданно явился предъ нею. Казалось, что онъ предспалъ въ эту минушу, какъ демонъ, пребующій по испеченіи договора проданную ему душу. Онъ глухо проворчалъ, увидя лице жены своей опкрытымъ, и надѣвъ на нее довольно искусно маску, поднялъ ее могучими руками, и перенесъ въ свою комнашу на кровать.

Спрахъ, произведенный въ Графинѣ этимъ появленіемъ, и этимъ поступкомъ, заставилъ на минушу умолкнуть природу, и несчастная мать могла бѣглымъ взоромъ окинуть всѣхъ участниковъ этой пайной встрѣчи.

Бертранъ, кошораго она не узнала (ибо

онъ былъ также тщательнo замаскированъ, какъ и господинъ его,) зажегъ свѣчи, коихъ свѣтъ слился съ первыми лучами солнца, начинавшими озарять стекла. Изумленный слуга, оспаваясь въ одинакомъ положеніи, казалось, повиновался высшей волѣ. Онъ споялъ опершись на окно, лицомъ къ спѣнѣ, какъ бы измѣряя полщину ея, и былъ недвижимъ подобно спашуъ рыцаря.

Посреди комнашы Графиня увидѣла маленькаго, полспаго одышливаго челоуѣка, съ завязанными глазами. Ужась, написанный на эпомъ кругломъ лицѣ, шакъ распронвалъ всѣ его черпы, что невозможно было узнать обыкновеннаго ихъ выраженія; какъ чучела, упошребляемая живописцами, онъ споялъ въ шакомъ глумомъ положеніи, что его можно было сравнить съ мальчикомъ, копораго шалуны товарищи оглушили, крича со всѣхъ споронъ ему въ уши.

— Слушай, господинъ врачъ, сказалъ

Графъ, сдернувъ на шею незнакомца плапокъ, закрывавшій ему глаза, не смѣй смопрѣшь ни на что другое, какъ на несчастную, надъ копорой ты долженъ показашь свое искусство; или я брошу тебя въ рѣку, копорая течетъ подъ окнами, навязавъ на шею алмазь въ полшора пуда.

Тутъ онъ опушилъ на грудь своего возлюбленнаго слушапеля галспукъ, служившій ему повязкой.

— Прежде всего разсмотри хорошенько не недоносокъ ли, и, въ такомъ случаѣ, ты жизнью своею будешь мнѣ отвѣчать за нее..... Но если ребенокъ живъ, то подай его мнѣ!

Послѣ этого предисловія, Графъ поднялъ бѣднаго врача какъ перо, и поставилъ передъ Графинею; а самъ, спалъ у окна, гдѣ оспавался неподвиженъ подобно Бершрану, но только

барабанилъ пальцами по спекламъ, глаза его попеременно обращались, то на слугу, то на постель, то на море, но чаще всего, можетъ быть, на постель и море, и мрачные его взоры, казалось, обѣщали ожидаемому ребенку океанъ вмѣсто колыбелн.

Имя *rebouteur* служило тогда во Франціи почетнымъ названіемъ шѣхъ рѣдкихъ людей, копорые по колдовству ли, или помощью продолжительной практики, научились вспавлять сломанныя руки и ноги, лечить скошовъ и людей опъ извѣстныхъ болѣзней, и умѣли искусно принаравливать ся къ прихопямъ дамъ и богачей, копорые имъ за то хорошо плашили. Бѣдный врачъ, копораго Графъ и Берспранъ съ неслыханною жестокоспью испоргли изъ объятій сладкаго сна и привязали къ лошади, за копорой, казалось, весь адъ гнался по пятамъ, особенно славился искусствомъ подавать

помощь въ родахъ какъ настоящихъ, такъ и преждевременныхъ и другихъ шакого рода случаяхъ.

Ошъ природы шушливый и веселый нравъ его очень хорошо приноравливался къ веселоспи обѣдовъ, бывшихъ почпи всегда обыкновеннымъ слѣдствіемъ его операций. Онъ прошивоборспвовалъ могущеспвенному сословію повивальныхъ бабокъ; но его извѣстная скромность заслужила ему, за сорокъ миль въ околдкѣ, покровишельство высшаго дворянспва, которое, въ эпо смутное время, находилось часпо въ необходимости опкрывать предъ Аншоніемъ Бовулуаромъ постыдныя или ужасныя шайны. Привычка играть вездѣ роль необходимаго чловѣка придала его никогда неизмѣняющейся веселоспи нѣсколько важности и самонадѣянности. Грубыя его шушки были всегда шерпимы въ рѣшишельную минушу, въ кошорую онъ спарался

дѣйствовашь съ важною медленностію. Къ помужь еще, онъ былъ очень любопышенъ; но, за исключеніемъ эпихъ двухъ недоспанковъ, происходившихъ болѣе опъ многочисленныхъ приключеній, въ коихъ онъ по званію свосму учаспвовалъ, эпо былъ добрѣйшій человекъ изъ всей Нормандіи.

Поставленный Графомъ предъ родильницей, господинъ Бовулуаръ не пошерялъ присугяствіа духа. Онъ пощупалъ пульсъ замаскированной дамы, ни мало не занимаясь ею, и принялъ важную докпорскую осанку, съ помощью коей онъ могъ размыслишь о собственномъ своемъ положеніи. Ни въ одной изъ инпригъ, какъ поспыдныхъ, шакъ и пресшупныхъ, въ коихъ его прошивъ воли избирали слѣпымъ орудіемъ, ни гдѣ предосторожності не были шакъ соблюдаемы какъ здѣсь. Онъ зналъ, что часто его смерть казалась лучшимъ средспвомъ для сохраненія шай-

ны, въ коей онъ невольно участвовалъ; но никогда еще жизнь его не находилась въ такой опасности, какъ теперь. Онъ рѣшился, прежде всего узнать своихъ сообщниковъ, и постигнувъ всю опасность своего положенія, найми удобнѣйшее средство для спасенія своей особы.

— Въ чемъ дѣло?... спросилъ врачъ, приговорясь подашь Графинѣ надлежащую помощь.

— Не отдавайте ему ребенка.....

— Говорите вслухъ..... вскрикнулъ Графъ ужаснымъ голосомъ, что помѣшало Бовулуару дослышать послѣднія слова, произнесенныя спрадалицей. Или, прибавилъ онъ шепотомъ перемѣняя голосъ, читай опходную.

— Жалуйтесь грозко, сказалъ врачъ Графинѣ; кричите, ибо у этого чело-

вѣка естъ алмазы, кошорые намъ обомъ не къ лицу!.... Смѣлѣе, сударыня!....

— Будь оспорожниѣ!.... вскричалъ снова Графъ.

— Кажешся, чпо онъ ревнивъ? сказалъ лекаръ маленькимъ, поненькимъ голоскомъ. Но спенанія Графини заглушили слова его.

Къ счастью Бовулуара, равно и для сохраненія его репушаци, природа на эшошь разъ сжалилась. Эшо были спраданія преждевременныя; ребенокъ, происшедшій на свѣшъ, былъ малъ, слабъ и худъ. По своей необычайной малоспи, новорожденный не могъ причинишь сильныхъ спраданій машери.

— Клянусь Богородицей!.... вскричалъ любопышный врачъ, эшо выкидышь!....

При эшихъ словахъ Графъ попнулъ

ногой съ такой силой, что спѣны задрожали; а Графиня ущипнула Бувулуара.

— А! а! вопшь что! сказалъ онъ про себя.

— Такъ онъ долженъ бы бышь недоноскомъ?... спросилъ онъ на ухо замаскированной дамы, кошорая отшвѣчала ему наклоненіемъ головы, какъ будто это было одно средство изъяснить мысль ея.

— Все это еще не довольно ясно! подумалъ врачъ.

Такъ какъ и всѣ искусные люди, знающіе свое ремесло, онъ могъ легко узнать, въ первый ли разъ женщина находилась въ подобныхъ обшпьяшельствахъ, и хошя спыдливая неопытность нѣкопорыхъ движеній Графини явно показывала, такъ сказаць, ея дѣвственность, лукавый врачъ вскричалъ:

— Барыня такъ легко спрадаешъ, какъ будшо съ ней это часпо случается.

Едва вняшныя звуки бѣшенства испорглись изъ устъ Графа; онъ спрашно запопалъ ногами и закричалъ.

— Подай мнѣ ребенка!

— Не отдавайше ему, ради Бога!.... вскричала мапъ.

Этотъ почти неисповый вопль пробудилъ въ сердцѣ врача великодушіе, которое внушило въ него смѣлостъ взять сторону Графини.

— Ребенокъ еще не родился! не по-ропипесь, не уйдешъ, опшвѣчалъ онъ съ холодностыю Графу, спряшавъ бѣднаго недоноска.

Но не слыша его крика, онъ посмо-

прѣль на ребенка, подумавъ, что онъ мершвъ.

Тогда Графъ замѣшилъ обманъ врача, и однимъ прыжкомъ очушясь возлѣ него:

— Проклятая, безмозглая голова!.... дашь ли ты мнѣ его!.... вскричалъ онъ, кипя бѣшенствомъ и вырвавъ изъ рукъ его невинную свою жертву, которая тогда подала слабый голосъ.

— Берегись; онъ весь изуродованъ! сказалъ Бовуларъ, схватя Графа за руку! Онъ очень слабъ; это вѣрно семимѣсячной ребенокъ!....

И съ необыкновенной силой, внушенной въ него сильнѣйшимъ соспраданіемъ, онъ удержалъ руку опца, сказавъ ему на ухо прерывающимся голосомъ:

— Не берите грѣха на душу: онъ не будетъ живъ!....

— Злодѣй! вскричалъ съ яростью Графъ, изъ рукъ коего испуганный врачъ вырвалъ ребенка, кто тебѣ сказалъ что я хочу лишить его жизни?... развѣ ты не видишь, что я ласкаю его?....

— Такъ подождите же, чтобъ ему минуло восемнадцать лѣтъ, и тогда уже ласкайте его такимъ образомъ!.... опивчалъ Бовуларъ съ значительнымъ видомъ.

— Но, присовокупилъ онъ, подумавъ о собственной своей безопасности (ибо онъ узналъ Графа, котораго въ мину-ту запальчивости, забылъ переменить голосъ) окрестите его скорѣй и не сказывайте приговоръ мой мажери, или вы ее убьете.

Эти лукавыя слова внушила въ него тайная радость, которую Графъ невольно обнаружилъ движеніемъ, мгно-

венно обузданнымъ, въ ту мину, когда лекаръ предвѣщалъ близкую смерть ребенка.

Врачъ, коему удалось словами своими сохранить жизнь новорожденнаго, поспѣшилъ опнести его къ матери. Онъ нашелъ ее въ обморокъ. Она все слышала: ибо часто случается, что въ сильныхъ болѣзненныхъ припадкахъ, органы человѣка дѣлаются необыкновенно нѣжны.

Бовулуаръ показалъ Графу, насмѣшливымъ шѣлодвиженіемъ, состояніе, въ которое споръ ихъ ввергъ родильницу. Но крикъ ребенка, котораго онъ положилъ на постель, привелъ Графиню въ чувство, какъ бы волшебной силою.

Несчастливая думала слышать голоса двухъ ангеловъ, когда за слабымъ крикомъ младенца, врачъ могъ сказать ей тихо, склонясь къ ея уху:

Берегите его, онъ проживетъ спо-
льшь!.... Бовулуаръ не ошибешся!

Ангельскій вздохъ, пайное пожатіе
руки были наградою врача, которъй,
прежде нежели передалъ ласкамъ ма-
пери слабое сущесиво, на шѣль ко-
его оспался оппечапокъ пальцевъ Гра-
фа, спарался увѣришься, не разспроили
ли опцовскія ласки чего нибудь въ сла-
бой его организаціи.

Изспупленіе, съ коимъ мапъ поло-
жила подлѣ себя своего сына, и гроз-
ный взоръ, брошенный ею на Графа
сквозъ два отверстія маски, заставили
врача препешать.

— Она умретъ, если скоро лишит-
ся своего ребенка! сказалъ онъ Графу.

Бышенсиво Графа Дерувиль возраспа-
ло часъ ошъ часу болѣе. Онъ не слы-
халь и не видалъ ничего. Сшоя непо-

движно и какъ бы погруженъ въ глубокую думу, онъ ояшь барабанилъ пальцами по спекламъ; но, при послѣднихъ словахъ врача, онъ обратился къ нему съ яростью, и выхвативъ съ запальчивостью шпагу, вскричалъ:

— Мерзавецъ, неучъ!....

Это слово было обидное прозвище, копорымъ роялиспы величали лигеровъ.

— Дерзкій мошенникъ! Наука, доспавляющая тебѣ честь бытъ сообщникомъ дворянъ, желающихъ имѣть наслѣдниковъ, едва можешъ удержашъ меня опъ желанія лишитъ навсегда Нормандію колдуна, возвысивъ его торжественно на шестъ фушовъ опъ земли!....

Попомъ, къ большому удивленію Бовулуара, Графъ поспѣшно вложилъ шпагу въ ножны:

— Неужели ты не можешь хоть разъ, продолжалъ онъ съ-неиспов-спвомъ, бышь въ обществѣ знашнаго чловѣка и жены его, не подозрѣвая ихъ въ низкихъ расчетахъ черни, не подумавъ, что она не имѣеть на по одинакихъ правъ съ дворянствомъ? Какія побудительныя государственныя причины могутъ меня заставишь дѣй-ствовашь какъ ты предполагаешь!.... Убидишь сына!.... отниаешь его у матери!.... Откуда взялъ ты эти небылицы? Развѣ я съ ума сошелъ? Зачѣмъ пугаешь ты насъ на счешъ жизни эшого здорового ребенка!.... Осель, знай, что я боялся швоего глупаго щеславія. Если бъ тебѣ было извѣстно имя благородной дамы, у кошорой ты принималъ, ты могъ бы похвалишься, что видѣлъ ее! Тѣфу пропасть!.... Можешъ бышь, опъ излишней предосторожности, ты бы уморилъ мать или ребенка. Но помни, что ты за нихъ будешъ мнѣ опвѣ-чаешь своей презрѣнной жизнью!

Врачъ былъ изумленъ внезапной перемѣной Графа. Эша излишняя нѣжность къ выкидышу пугала его еще болѣе нежели неисповсво и мрачная холодность, прежде имъ оказанныя; голосъ, коимъ были произнесены послѣднія слова, показывалъ болѣе смѣшливости въ исполненіи непреложнаго намѣренія.

Тогда Бовулуаръ мысленно рѣшился удалиться изъ околodka, если будешь такъ счастливъ, что живъ и здоровъ выйдешь изъ этого дома и исполковывая споль неожиданную развязку двойнымъ обѣщаніемъ, сдѣланнымъ имъ мамери и опцу.

— Я догадываюсь! подумалъ онъ. Эшопъ добрый господчикъ не хочешь заслужишь ненависть жены своей, а положишься въ помъ на аптекаря; если такъ, то я долженъ поспарашься предупредишь мамъ, чшобъ она не спускала глазъ съ своего ребенка!....

Когда онъ приближался къ кровати, то Графъ, которъй въ это время, подошедъ къ шкафу, открыль ящикъ, остановиль его, подавая ему кошелекъ. Врачъ, увидя золото, блестящее сквозь шелковую съпочку, приняль его съ радостью и страхомъ.

Графъ, бросая ему кошелекъ съ презрѣніемъ, сказалъ съ насмѣшкой:

— Если ты меня заставиль полковашъ съ побой какъ просолодина, то, плашя шебъ, я не долженъ забывашъ, что я вельможа. Я не прошу шебя бышь скромнымъ!.... Этошь человекъ, котораго ты видишь — Графъ указаль на Бертрапа — вѣрно сказалъ шебъ, что вездъ, гдъ ешь дубы и рѣки, памъ мои алмазы и ожерелья найдуть неучей, осмѣливающихся говорить обо мнѣ!....

Окончивъ эти милоспивыя слова,

великанъ медленно подошелъ къ изумленному врачу, подаль ему спуль, и казалось, просиль его вмѣспѣ съ нимъ сѣспѣ возлѣ родильницы.

— И шакъ! моя милая, намъ Богъ даль сына!.... возразиль онъ. Это для насъ большая радость. Чпо, какво шебъ?....

— Хорошо, опвѣчала Графиня сквозь зубы.

Удивленіе мащери и ея принужденное положеніе, поздняя и прищворная радость опца, все удосповѣряло Бовулуара, чпо шущь было чпо-то шакое, чего онъ не могъ постигнушь, не взирая на обыкновенную свою прозорливость. Не оставляя своихъ подозрѣній, онъ взялъ руку больной, подѣ предлогомъ лучше удосповѣришься въ сосшояніи ея здоровья.

— Пульсъ хорошъ..... сказалъ онъ.

Кажешся, нечего опасаться за родильницу. Молочная лихорадка будетъ непременно; но вы этого не бойтесь..... это ничего не значить.

Тутъ хитрый врачъ остановился, пожалъ руку Графини съ значительнымъ видомъ:

— Чшобъ быть покойной на счетъ вашего ребенка, сударыня, продолжалъ онъ, не покидайте его ни на минушу. Кормите его долѣ грудью, за копорую онъ уже хващается маленькими своими губками, а особливо не давайте ему ни какихъ лекарствъ. Грудное молоко есть лучшее средство отъ всѣхъ дѣтскихъ болѣзней. Мнѣ случилось видѣть много семимѣсячныхъ родовъ, но рѣдко такихъ счастливыхъ какъ ваши. Впрочемъ, это и не удивительно: ребенокъ такъ малъ!.... Его можно, кажешся, уложить въ башмакъ!.... вѣрно въ немъ нѣтъ и двухъ фунтовъ вѣсу.

Молоко, одно молоко, и если онъ будешь пипаться одной шолько грудью, по останешься живъ.

Последнія слова сопровождались новымъ непримѣпнымъ движеніемъ пальцевъ, копорыми врачъ сжалъ руку Графинъ, и не смопря на яроспные взоры Графа, сверкавшіе изъ подъ маски, Бовулуаръ проговорилъ свое насшавленіе съ непоколебимою важносшью человека, желающаго шолько заслужишь денежную награду.

— О! О! врачъ, шы забылъ свою шарую черную шапку!.... сказалъ ему Бершранъ въ шу минушу, когда онъ съ нимъ вмѣспѣ выходилъ изъ комнашы.

III.

О Т Е Ч Е С К А Я Л Ю Б О В Ъ .

Причиною милосердыхъ поступковъ Графа съ сыномъ были расчёпы. Въ ту самую минушу, когда врачъ остановилъ руку его, корыстолюбіе и обычай Нормандіи предспали его воображенію. Эти двѣ власпипельныя причины удержали пальцы его и заставили умолкнутьъ враждебныя его спраспи.

Одна шепшала ему: имѣніе жены

Прокл. сынъ.

швоей можешъ только тогда принадлежашъ фамиліи Дерувиль, когда будешъ наследникъ мужескаго пола.

Другая показывала ему на умирающую Графиню и ея имѣніе, воспребованное боковой линіею Сентъ-Савенскаго дома.

Объ совѣтовали ему оставишь жизнь недоноска на попеченіе природы, и ожидашь рожденія другаго сына, здороваго и сильнаго, чшобъ тогда избавишься отъ выкидыша, и уже болѣе не дорожишь жизнью жены своей.

Тогда уже предъ глазами его былъ не ребенокъ, но помѣсшья.

Внезапная его нѣжностъ сдѣлалась столь же сильна, сколь сильно было его корысполубіе: желаніе поддержашь имя свое было такъ велико, чшо онъ хотѣлъ, чшобъ эинопъ мершво-рожден-

ный сынъ имѣлъ всѣ признаки здороваго сложенія.

Зная хорошо свойства Графа, мать, удивленная еще болѣе врача, сохранила въ душѣ страхъ, который иногда смѣло обнаруживала; но ребенокъ придалъ ей силы и мужество.

Графъ былъ нѣсколько дней неоплучно при женѣ своей, и имѣлъ о ней попеченія; денежный расчетъ придавалъ имъ видъ нѣжности. Но глаза матери скоро замѣнили, что она одна была предметомъ его вниманія. Ненависть отца къ сыну не могла отъ нея скрыться. Онъ избѣгалъ случаевъ его видѣть или до него допронуться, вспавалъ постыжно, чтобы отдавать приказанія какъ только слышалъ голосъ его; наконецъ, онъ, казалось оспавлялъ ему жизнь только въ надеждѣ на скорую смерть его. Но и это притворство было тяжело для Графа.

Когда онъ замѣнилъ, что внимательный взоръ мапери угадывалъ опасность, угрожавшую сыну, онъ объявилъ ей, что уѣдетъ изъ замка на другой день послѣ обѣдни, у которой Графиня будетъ въ первый разъ присутствовать, и предложеньемъ этой оплочки была необходимость опвесипи къ Королю все по войско, которымъ онъ могъ располагать.

Вопъ обспояшельспва, предшеспвовавшія и сопровождавшія рожденіе Эрнеспа Дерувиль. Если бъ Графъ не имѣлъ ни какой побудительной причины желать смерти сына; если бъ онъ и заставилъ замолчать по расположеніе, которое люди имѣютъ, ненавидѣть тѣхъ, которымъ разъ сдѣлали зло, и если бъ самое припворспво, налагаемое на него необходимостью, показывать любовь къ ненавистному ему педоноску, не успливало этого чувспва: то и тогда бѣдный Эрнеспъ

быль бы для него предметомъ отвращенія.

Бользненное и слабое сложеніе этого младенца, можетъ быть, поврежденное нѣжною ласкою отца, служило, въ глазахъ Графа, всегдашнимъ упрекомъ отцовскому его самолюбію. Если онъ питалъ чувство отвращенія къ красавцамъ, то не менѣе ненавидѣлъ и людей слабаго здоровья, преданныхъ наукамъ и умспвеннымъ наслажденіямъ. Чтобъ ему понравилъся, должно было имѣть непріятную наружность, высокій ростъ и чрезвычайную силу. Большое невѣжество и глубокія познанія въ военномъ искусствѣ были единственныя уважаемыя имъ качества. Грубость въ обращеніи и въ разговорѣ довершала въ глазахъ его весь совершенства мужеспвеннаго человека.

И такъ, Эрнестъ нашелъ въ отцѣ

врага неумолимаго. Борьба его съ опцемъ началась съ самой колыбели; и единственней его опорой пропивъ столь опаснаго пропивника, было сердце робкой и юной его мапери, любовь коей еще усилилась опъ угрожающей ему опасности.

Внезапно погруженные въ глубокое уединеніе поспѣшнымъ опъѣздомъ Графа, мапъ и сынъ чудесно поспигли другъ друга; ихъ помышленія и все бытіе ихъ слились вмѣспѣ.

Когда Эрнеспъ спалъ различать предметы, и началъ изощрять зрѣніе съ безсмысленною жадностью, столь свойственною дѣшямъ, тогда взоры его встрѣпились съ мрачными сводами приемной комнаты; когда юный слухъ его, спараясь ловить звуки, могъ нѣсколько поспигать ихъ различіе, то онъ слышалъ одинъ только однообразный шумъ морскихъ волнь, разбиваю-

щихся о прибрежныя скалы, подобный правильному бою маятника: и такъ мѣспа, звуки, предметы, все что дѣйствуетъ на чувства, что развертываешь понятія и характеръ, все способствовало къ тому, чтобъ вселить въ него задумчивость.

Съ самого рожденія онъ долженъ былъ думать, что мать его была единственнымъ существомъ во всемъ мѣрѣ, глядѣть на свѣтъ какъ на пустыню, и привыкнуть къ чувству мысленнаго созерцанія, вселяющаго въ насъ желаніе жить въ удаленіи отъ людей, и въ себѣ самихъ находить безчисленные, мысленныя наслажденія. Такъ какъ всѣ болѣзнію одержимыя дѣти, онъ почти всегда былъ въ спрадасельномъ положеніи. Органы его были такъ нѣжны, что малѣйшій неожиданный спукъ или разговоръ, слишкомъ шумный, причиняли ему болѣзненные припадки. Вы сказали бы, что это одно

изъ шѣхъ маленькихъ насѣкомыхъ, для коихъ Премудрость Божія укрощаетъ силу вѣтра и зной солнечныхъ лучей. И пакъ, не имѣя довольно силы, чшобъ бороться даже и съ малѣйшимъ препятствіемъ, онъ уступалъ всякой враждебной силѣ безъ сопротивленія и ропота.

Эпо ангельское пертъніе внушило мащери столь сильную къ нему привязанность, что эпо чувство много облегчало для нея всѣ мелочныя заботы, копорыхъ безпрестанно пребывало столь слабое здоровье. Ежеминутно слышались ей слова врача, и, спрашась всего за сына, она окружила недовѣрчивостью колыбель его. Скоро печальное ея существованіе, казавшееся ей лишеннымъ всѣхъ прелестей жизни, украсилось небесными радостями: одинъ взглядъ на сына заславлялъ ее забывать всѣ свои горести. Она благословляла Провидѣніе, которос по-

мѣспило его среди пишины и спокойствія, въ единственней сферѣ, гдѣ онъ могъ рассти счастливо и избѣгнувъ смерти.

Часто нѣжная мать съ осторожностью подымала его на рукахъ своихъ до готическихъ оконъ..... тогда голубые глаза его, подобные глазамъ мапери, казалось, вникали въ зеленые воды океана. Оба они по цѣлымъ часамъ смотрѣли на безконечность этого необозримаго пространства, попеременно, то мрачнаго, то блестящаго. Эти продолжительныя, безмолвныя бесѣды были для Эрнеста пайнымъ училищемъ горести, ибо почти всегда глаза мапери его орошались слезами; и тогда, во время этихъ тяжкихъ душевныхъ мечпаній, черпы юнаго Эрнеста походили на тонкую сѣпь, подавленную сильною тяжестью. Но скоро раннее его понятіе о несчастіи открыло ему вліяніе дѣтскихъ игръ

его на расположеніе Графини, и онъ спарался въ печальныя минушы разве-селять ее шѣми же ласками, кои она упошребляла для укрощенія его спра-даній; и не рѣдко удавалось малень-кимъ рученкамъ его, дѣшскому лепешу и лукавой улыбкѣ, разсѣять задумчи-вось груспной мапери. Тогда, если даже онъ и чувспвовалъ успалось, то какое-шо сердечнос чувспво его заспавляло скрывать се.

— Нѣжный цвѣшокъ!.... вскричала Графиня, увидя его усыпленнымъ успалосью, тогда какъ рѣзвосью своей ему удалось разсѣять одно изъ самыхъ гореспныхъ ея воспоминзній. Съ кѣмъ можешь ты жить счастливо? Кто будешь понимать тебя!.... тебя, когда нѣжную душу твою можешь оскор-бить одинъ спрогій взоръ; когда ты, подобно несчастной твоей мапери, будешь болѣе дорожить одной улыбкой, чѣмъ всѣми сокровищами міра?.... Ан-

гель, нѣжно любимый маперью, кто, кромѣ ея, въ цѣломъ свѣшѣ, будешь любишь себя?... Кто угадаетъ сокровища, сокрытыя подъ швоей брэнной оболочкой?... Никто..... Подобно мнѣ, ты будешь одинокъ въ мѣрѣ.....

Она вздохнула, заплакала; но прелестный образъ ребенка, покоющагося на ея колѣняхъ, заставилъ ее горесивно улыбнуться; она долго смотрѣла на него въ молчаніи..... чувствуя себя счастливою, и наслаждаясь однимъ изъ тѣхъ безмолвныхъ, непоспимыхъ удовольствій, кои осшаются пайною между маперью и природою.

Въ полпора года, слабость Эрнеста не позволяла еще Графинѣ выносить его на воздухъ; но легкій румянецъ блѣло-лилейныхъ щекъ его, какъ блѣдный листокъ розы, сорванной вѣшпромъ, служилъ признакомъ жизни и здоровья. Въ то время, когда она начинала вѣ-

ришь предсказаніямъ врача, и радывашься, что въ отсутствіе Графа могла окружить своего сына всеми возможными предосторожностями, и тѣмъ предохранить его отъ опасности, письма Графскаго секретаря извѣстили ее о скоромъ возвращеніи власселина.

Въ одно утро, предаваясь той радости, которую ощущаютъ всѣ матери при видѣ перваго шага, сдѣланнаго ихъ первенцемъ, Графиня играла съ Эрнестомъ въ игры столь же неизобразимыя, какъ прелестныя воспоминаній..... Вдругъ раздались тяжелые шаги, и едва, по невольному движенію, успѣла она вскочить со стула, какъ увидѣла передъ собой Графа. Она вскрикнула съ ужасомъ, но стараясь поправить свою ошибку, она подошла къ Графу съ покорностью принять поцѣлуй его.

— Если бъ я была предувѣдомлена о вашемъ пріѣздѣ....

— Приѣмъ, сказалъ Графъ, прерывая ее, былъ бы, можешъ бышь, ласковѣе, но не такъ чистосердеченъ.

Онъ увидѣлъ Эрнеста и здоровый видъ ребенка поразилъ его. Бѣшенство сверкнуло въ его взоръ; но стараясь скрыть это чувство, онъ прищворно улыбнулся.

— Я привезъ тебѣ пріятныя извѣстія..... прервалъ онъ. Мнѣ дана въ управленіе Шампанія и Король обѣщаль пожаловать меня въ Герцогн и Перы. Еще, мы получили наслѣдство..... Проклятый эпошь Гугенотъ Шаверни умеръ.

Графиня поблѣднѣла и упала на кресла. Она угадывала тайну злобщей радости, написанной на лицѣ ея супруга, и которую видъ Эрнеста еще, казалось, увеличиваль. Это былъ адской хохотъ сатаны.

— Вы знаете, Графъ, сказала она

смущеннымъ голосомъ, что я долго любила Шаверин. Вы Богу дадите опвѣсть за мои горести.....

При этихъ словахъ взоръ Графа сдѣлался свирѣпымъ, губы дрожали отъ ярости и долго онъ не могъ произнести ни одного слова; но наконецъ, бросивъ на столъ шпагу съ такою запальчивостью, что желѣзо издало звукъ, подобный раскату грома.....

— Послушай! вскричалъ онъ неистовымъ голосомъ, — и помни слова мои! Я не хочу ни видѣшь, ни слышать маленькаго уроды, который сидишь у меня на колѣняхъ. Онъ мой сынъ, но не мой..... Есть ли у него хоть одна моя черта?.... Клянусь Богомъ! Удали его скорѣе съ глазъ моихъ, или.....

— Великій Боже!.... вскричала Графиня.

— Молчи!.... отвѣчалъ Графъ. Если ты не хочешь, чтобъ я убилъ его, то пусть онъ мнѣ никогда не попадается на глаза.....

— Когда такъ, прервала Графиня, чувствуя въ себѣ довольно силы противоборствовать тирану, клянись мнѣ, что никогда не будешь покушаться на жизнь его, если не будешь его видѣть..... Могу ли я положиться на честное слово дворянина?....

— Но..... прервалъ Графъ.

— Такъ убей же насъ обоихъ, извергъ!.... вскричала она, и бросилась на колѣна, прижимая къ груди сына.....

— Встаньте, сударыня! даю вамъ честное слово дворянина не покушаться на жизнь проклятаго зародыша, но только съ тѣмъ, чтобъ онъ жилъ на утесахъ, окружающихъ море у по-

дошвы замка; и, горе ему, если я встрѣчу его когда нибудь за эшимъ рубежемъ!....

Графиня горько заплакала.

— Взгляните на него!.... сказала она.
Это вашъ сынъ.

— Сударыня!....

При эпомъ словъ, испуганная Графиня схватила и унесла ребенка, у коего сердце билось какъ малиновка, захваченная въ гнѣздѣ.

Цошому ли, что въ невинности есть какое то очарованіе, кошорому и самыя жестокіе люди прошившись не могутъ, или опть того, что Графъ раскаявался въ своей жестокости, и, можетъ быть, боялся довести до опчаянія женщину, необходимую какъ для удовольствій, такъ и для видовъ его; ге-

лось его сдѣлался крошкѣ, когда жена его возвратилась блѣдная и чуть живая.

— Иоанна, моя милая, сказала онъ ей, дай мнѣ руку, и не сердись на меня!.... Не знаешь, право, какъ съ побой обходиться. Я привезъ тебѣ новыя почести, новыя богатства; и, шѣфу пропашь! Ты принимаешь меня какъ лигѣра! Теперь оплочки мои будутъ продолжительны до шѣхъ поръ, пока, вмѣсто Шампаніи, мнѣ не дадутъ въ управленіе Нормандіи; и пакъ, милая, по крайней мѣрѣ не косись на меня пока я здѣсь пробуду.....

Графиня поняла смыслъ этихъ словъ; припворная ихъ крошкѣ не могла уже болѣе ее обмануть.

— Я знаю свои обязанности!.... отвѣчала она печальнымъ голосомъ, который мужу ея показался нѣсколько нѣжнымъ.

Юанна имѣла слишкомъ много непо-
рочности и величія души, чшобъ шакъ,
какъ нѣкопорья женщины, искапъ вла-
спи надъ мужемъ, упопреляя въ по-
спупкахъ своихъ уловки или играя его
нѣжностью; она вздохнула, удалилась
съ покорностию и безмолвно, скрывая
опчаяніе въ душѣ своей.

— Тыфу пропасть! Она, кажется ни-
когда меня любить не будетъ!.... вскри-
чалъ Графъ, примѣтя слезу, блеснув-
шую въ глазахъ Графини, когда она
вышла изъ комнаты.

Посредствомъ особаго рода чародѣй-
ства, коего тайну постигли всѣ ма-
тери, но которос имѣло еще болѣе
силы въ сношеніяхъ Графини съ сы-
номъ, ей удалось дать ему понятіе о
той опасности, которая безпрестанно
угрожала ему, и заставивъ его боятъ-
ся встрѣчи отца. Спрашная сцена,
коей Эрнестъ былъ свидѣтелемъ, врь-

злась въ его памяти, и даже имѣла вліяніе на его здоровье. Внутреннее чувство такъ хорошо извѣщало его о приближеніи Графа, что, если улыбка, едва замѣтная привычному взору матери, озаряла лице его, въ ту минуту когда слабые органы его, подспрекаемые страхомъ, извѣщали его объ опдаленной походкѣ отца, то черты лица его измѣнялись, и слухъ матери не былъ такъ тонокъ, какъ внутреннее чувство сына. Съ лѣтами эта способность возрасла до того, что Эрнестъ, подобно дикимъ Американцамъ, различалъ шагъ отца, слышалъ громозвучный его голосъ на немовѣрномъ разстояніи и заранѣе предсказывалъ приходъ его.

Видя, что сынъ ея такъ рано началъ раздѣлять чувство ужаса, вселемое въ нее мужемъ, Графиня спала еще сильнѣе любить его; и союзъ ихъ скрѣпился столь швердыми узами, что,

подобно двумъ цвѣткамъ, распушимъ на одномъ стеблѣ, одинъ и топъ же въперъ пригибалъ ихъ къ землѣ, одна и та же надежда одушевляла ихъ. Эпо было одно существованіе.

По опъездѣ Графа, Юанна осталась беременною въпорично; и, на эпопъ разъ, родила въ срокъ, требуемый предразсудками.

Она съ несказанными муками произвела на свѣтъ здороваго мальчика, который, черезъ полтора года, такъ походилъ на своего опца, что ненависть Графа къ перворожденному еще усилилась. Для сохраненія жизни своего милаго ребенка, Графиня согласилась на всѣ распоряженія, сдѣланныя Графомъ для счастья и будущаго возвышенія въпорого ихъ сына. Эрнеста назначили въ духовное званіе; Максимилианъ же долженъ былъ наследовать все имѣніе и всѣ почести Дерувиль.

скаго дома. Эпою цѣной бѣдная мать купила покойспвіе своего любимца.

Никогда не было сполько различія между брашьями, какъ между Эрнеспомъ и Максимиліаномъ. Меньшой любилъ съ самого рожденія шумъ, буйныя игры и войну, и попому онъ былъ сполько же любезенъ Графу, сколько Эрнесъ Графинѣ. Брашья выросли и достигли юношескаго возраста, не зная, не видя другъ друга.

Эрнесъ жилъ въ маленькой хижинѣ, построеной въ каменномъ гротѣ, у подошвы замка, на берегу моря. Графиня расположила внушенность эпого смиреннаго жилища такимъ образомъ, чпобъ сынъ ея могъ находить въ немъ всѣ наслажденія роскоши. Тамъ проводила она съ нимъ большую часть дня. Они вмѣстѣ бродили по скаламъ, по берегу моря; она показывала ему границы небольшого его владѣнія, со-

споявшаго изъ песку, раковинъ и камешковъ. Нечувствительна, ужась, написанный на лицъ маперы, если онъ пересупалъ хоть шагъ за предѣлы этого рубежа, заставилъ его догадаться, что за этимъ рубежомъ ожидала его смерть. Имя отца его вселяло въ него страхъ, который его тревожилъ, лишалъ душевныхъ силъ и приводилъ въ какое то разслабленіе, подобное тому, которое заставляешь ребенка падать на колѣна передъ пигромъ.

Часто, прихаясь въ отверзшіи утеса, онъ издалека видѣлъ ужаснаго великана, отца своего, или слышалъ голосъ его, и тогда горестное чувство той минушы, когда онъ былъ имъ проклятъ, обдавало холодомъ его сердце. И пакъ, подобно Лапландцу, который умираешь, покинувъ снѣга свои, онъ изъ хижины и скаль составилъ себѣ прелестное опечесство; и, когда пересупалъ рубежъ ихъ, то чувствовалъ поску неизъяснимую.

Графиня, видя, что бѣдный ребенокъ можетъ найти счастье только въ тишинѣ и спокойствіи, старалась вселить въ него склонность къ уединенію. Библіотека Кардинала Дерувиль перешла въ его руки. Чтеніе должно было наполнять всю жизнь его. Въ замѣнъ его немощей, природа одарила его столь пріятнымъ голосомъ, что трудно было прошивиться удовольствію его слушать. Мать учила его музыкѣ, и нѣжные и унылые напѣвы, сопровождаемые звуками цитры, были драгоценнѣйшимъ его сокровищемъ..... Восхищительная поэзія, коею богатыя мечты заставляютъ насъ пробѣгать обширныя страны фантазій; изобильное сравненіе идей человѣческихъ; воспоргъ всеяемый въ насъ совершеннымъ познаніемъ гениальныхъ произведеній, — все сдѣлалось неисчерпаемымъ, тихимъ наслажденіемъ задумчивой и уединенной его жизни. Наконецъ цвѣты, прелестныя созданія, ко-

ихъ участь имѣла сполько сходства съ его участью, получили всю его привязанность. Радуюсь невиннымъ склонностямъ своего сына, предохранявшимъ его отъ грубаго прикосновенія общесвѣтской жизни, которое могло бытъ ему споль же пагубно, какъ солнечные лучи убійственны для блестящей рыбки, выброшенной на морской берегъ, Графиня давала болѣе пищи занятіямъ Эрнеста, принося ему Испанскіе романы, Италіянскіе духовные концерты, книги, сонеты, стихотворенія..... И всякое упрое онъ находилъ въ своемъ уединеніи живописныя, благоухающія расшенія.

Чпеніе, коему онъ не могъ долго предаваться по слабости здоровья, и его прогулки между скалъ были прерываемы мысленными бесѣдами, во время конхъ онъ по цѣлымъ часамъ любовался красивыми цвѣтами, своими подругами, или пришаясь въ ущельи,

пщательнo разсмаприваль какое ни-
будь морское расшеніе или мохъ.

Онъ искалъ поэзиі въ благовонной
коронкѣ цвѣпка, пакъ какъ пчела вы-
сасывала бы изъ нея медъ. Часпо, да-
же безъ цѣли, и самъ не постигая сво-
его удовольствія, онъ восхищался нѣж-
ными жилочками, рѣзкой краской, озна-
ченными на цвѣтахъ, блескомъ золопой
или лазуревой, зеленой или фіолетовой
ихъ одежды, прелестной вырѣзкой изъ
листочковъ, гладкой или пушистой ихъ
пшканию, которая раздиралась, какъ ду-
ша его, при малѣйшемъ усиліи.

Иногда онъ проводилъ цѣлые дни,
покоясь на пескѣ, влача пріятныя, нѣ-
гой исполненные часы, чувствуя себя
счастливымъ, и будучи поэтомъ, самъ
не зная того; и тогда внезапный по-
леть насѣкомаго съ позлащенными кры-
лышками, отблескъ солнца въ океанѣ,
колебаніе необозримаго и прозрачнаго
зеркала водъ, раковина, морской паукъ,

все было удовольствіемъ, наслажденіемъ для его невинной души. Видѣть издали мать свою, слышать шорохъ ея плащя, внимать ея голосу, цѣловать ее, говорить съ ней, ее слушать, все причиняло ему такія живыя ощущенія, что часпо малѣйшее замедленіе или долгое ожиданіе производило въ немъ сильную дрожь.....

Въ шеснадцатъ лѣтъ, Эрнестъ видомъ походилъ на ребенка, и, подобно распенію, лишенному пианія, онъ опъ продолжительной задумчивости получилъ привычку клонить голову внизъ. Сквозь прозрачную, ашласу подобную кожу его, какъ сквозь нѣжную кожу дѣвочки, можно было пересчитать всѣ жилки. Бѣлизна его походила на бѣлизну фарфора. Свѣтло-голубые глаза его выражали слабостъ, неизъяснимую горестъ; они, казалось, просили о защитѣ, ибо просьба написана была во взорѣ его, а скромностъ

разливалась во всѣхъ чертахъ. Длинные кашпановые волосы, гладкіе и мягкіе, раздѣлялись на лбу и вились по плечамъ. Щеки его были блѣдны и со впадинами; ясное, но изсѣченное морщинами чело вселяло горестное чувство; оно показывало спрдааніе медленное и глубокое. Пріятныя уста, украшенныя двумя рядами бѣлыхъ зубовъ, сохраняли улыбку подобную той, которая часто видна бываетъ на устахъ умирающаго. Руки равнялись бѣлизной рукамъ кокешки и были необыкновенно хороши. Звукъ голоса внушалъ любовь..... Наконецъ вы бы подумали что это голова молодой, болѣзненной дѣвушки на слабомъ и изуродованномъ тѣлѣ. Въ немъ была одна только душа, и эта душа требовала пишины, ласкъ, спокойствія и любви. Мать распочала ему любовь и ласки; скалы доставляли пишину и спокойствіе; цвѣшны, книги украшали его уединеніе, а маленькое его королевство, состоящее изъ пе-

ску и раковинъ , распеній и цвѣшовъ , казалось ему міромъ всегда обновленнымъ : такъ до восемнадцати лѣтъ Эрнеспъ былъ счастливъ .

Но скоро ужаснѣйшее несчастіе постигло его . Графиня , снѣдаемая горестію , уже давно была одержима помпильной болѣзнью . Она умерла . Эрнеспъ оспался одинокъ въ мірѣ . Горесть его была безмолвна . Онъ не бродилъ болѣе по скаламъ ; не чинпаль , не пѣль ; просиживаль цѣлые дни въ ущельи , презирая бурю и непогоду , неподвиженъ , какъ бы тросшійся съ камнемъ , на кошоромъ сидѣль ; рѣдко проливая слезы , но углубляясь въ мысль единую , безконечную , необозримую , какъ океанъ , и , какъ онъ , попеременно , по грозную , по ужасную , по спокойную Нѣтъ , это было болѣе нежели горесть ; это была новая жизнь , судьба непреложная . Бѣдное существо уже не улыбалось болѣе . Есть горестичо-

жія на кровь, брошенную въ пекучую воду; эта кровь на минушу обогрѣешь спруи; потомъ набѣжавшая волна снова очищаетъ ихъ; но, у Эрнеспа самый источникъ былъ мушень и каждая спруя времени приносила ему новыя спраданія.

Графиня, на одръ смерти, поручила своего сына Бертрану. Тайное чувство, кошорое никогда не обманешь матери, заспавило ее замѣшивъ глубокое сожалѣніе, кошорое оруженосецъ ппшалъ къ слабому наслѣднику могущеспвеннаго дома, вселяющаго въ него по почпеніе, кошорое церковь внушаетъ служптелю алшарей ея.

Бертранъ оспался единственнымъ покровпшелемъ молодаго своего господина. Восьмидесяпильпній спарпкъ пмѣлъ главное спопрѣніе надъ конюшными для шого, чшобъ занимать какую нпбудь должность въ домѣ, и, какъ

онъ жилъ недалеко отъ хижины Эр-
неспа, но могъ имѣть о немъ попе-
ченіе, съ той непоколебимой привязан-
ностью и простодушіемъ, кои соспав-
ляютъ опличительную черту харак-
тера старыхъ солдатъ.

Говоря съ бѣднымъ сиротой, онъ
старался сколько можно смягчать го-
лосъ свой. Во время дождя онъ тихо
бралъ его за руку, испоргалъ изъ глу-
бокой задумчивости и уводилъ домой.
Онъ гордился тѣмъ, что могъ хоть ош-
часи замѣнять Графиню, и если сынъ
ея не находилъ въ немъ всей ея горяч-
ности, но могъ по крайней мѣрѣ най-
ти нѣжную ея заботливость..... Его
соспраданіе походило на любовь.

Тѣмъ сильнѣе спановилась привя-
занность стараго оруженосца къ моло-
дому его господину, тѣмъ менѣе Эр-
неспъ прошивился попеченіямъ служи-
теля; но между ними никогда не бы-

до симпатіи: всѣ связи между проклятымъ сыномъ и людьми были прерваны. Мать его унесла съ собой въ могилу всю ту любовь, которую онъ могъ питать съ себѣ подобнымъ. Казалось, что сердце его было также сокрушено, какъ и шѣло.

Онъ соспавлялъ швореніе, занимающее средину между человѣкомъ и расшениемъ. Въ душѣ его хранилась чистая непорочность. Онъ не зналъ законовъ общежитія, ложныхъ предразсудковъ свѣща, но повиновался единственно внушенію сердца.

Не взирая на мрачную свою задумчивость, скоро онъ почувствовалъ необходимость любви, имѣлъ другую мать, душу способную понимать его; но между имъ и просвѣщеніемъ возвышалась неодолимая преграда; долго искавъ сущесшва, коему онъ могъ бы ввѣрять свои мысли, и съ концемъ могъ

бы дѣлился жизнью, онъ наконецъ сблизился чувствами съ океаномъ.

Имѣя безпрестанно передъ глазами неизмѣримое пространство, феномены коего такъ противоположны феноменамъ земли, онъ открылъ въ немъ пространства непоспимыя. Еще съ колыбели ознакомленный съ безконечностью влажныхъ полей, море и небо были для него опголосками очаровательной поэзии. Для него все было привлекательно въ этой обширной картинѣ, но видимому, столь однообразной. Такъ какъ и у всѣхъ, у коихъ душевная сила превосходитъ плесную, взоръ его былъ пронизателенъ, и могъ различать безъ труда въ весьма дальнемъ разстояніи самые бѣглые опшѣнки свѣта, легчайшую рябь, подернувшую поверхность воды. Даже и тогда, когда море было спокойно, онъ любовался многочисленными отраженіями, его опцвѣчивающими, когда, подобно лицу женщины,

оно было выразительно, одушевлялось улыбкой, прихотливою мыслию; шамъ зеленѣло и мрачно, шупть какъ бы весело усмѣхаясь въ лазури своей..... по сливая блестящія струи свои съ колеблющимся свѣшомъ горизонша, по шихо волнуясь подъ навислымъ сводомъ сѣрыхъ шучь..... Ему казалось, что великолѣпныя празднества совершались для него при захожденіи солнца, когда свѣшило разливало багровыя струи свои по волнамъ, какъ пурпуровую маншію. Море было весело, живо, ошпроумно среди дня, когда шпруимое въ шеркомъ, оно повпоряло въ безчисленномъ множествѣ ослѣпительныхъ граней яркій блескъ солнца; но оно шпшало его задумчивость и испоргало слезы, когда, спокойно и печально, оно съ покорностью отражало сѣрый цвѣшъ неба, подернушаго облаками..... Онъ поспигъ безмолвный опзывъ эпого безконечнаго шворенія: приливъ и опливъ были для него сладкозвучнымъ дыха-

нѣемъ, каждый вздохъ коего выражалъ чувство. Онъ умѣлъ понимать тайный привѣщъ его, и ни одинъ мореплавецъ, ни одинъ ученый не могъ шакъ хорошо предсказать малѣйшую ярость могущественнаго океана, слабѣйшую перемену его поверхности. По плеску умирающей на песокъ волны онъ предугадывалъ зыби, бури, силу морскихъ приливовъ.

III

Когда ночь мрачнымъ покровомъ своимъ одѣвала природу, онъ и тогда видѣлъ его въ сумрачномъ сіяніи, и съ нимъ бесѣдовалъ. Наконецъ, онъ участвовалъ въ его вѣчной и плодотворной жизни: когда оно бушевало, буря отражалась въ душу его; онъ вдыхалъ въ себя яростный ревъ его, бродилъ между огромныхъ валовъ, кои съ влажной пѣной разбивались объ утесы, былъ неуспрашимъ и грозенъ какъ самое море, и, подобно ему, былъ внезапно, шо свирѣпъ, шо молчаливъ, шо крошокъ....

Онъ обручился съ моремъ. Она было его повѣреннымъ, его другомъ, его счастьемъ.

Когда по утру, пробираясь по мелкому и блестящему песку, коимъ былъ усыянъ морской берегъ, онъ всходилъ на утесы свои, то, окинувъ океанъ однимъ взоромъ, онъ узнавалъ его расположение: онъ видѣлъ каршины его, и парилъ надъ пространствомъ водъ, какъ ангелъ небесный..... Если бѣлые пары, рѣзвые и игривые, накидывали на него шусккую сѣшь, какъ покровъ на чело невѣсны, тогда онъ слѣдилъ за его колебаніемъ и фаншаспическою игрою съ неизъяснимою радостію.... Для него было наслажденіемъ видѣшь въ немъ поутру желаніе нравиться, какъ въ женщинѣ, копорая вснаешъ съ посщели свѣжа, румяна, еще объясна сладкой дремошой.....

Мысль его, сочешавшаяся съ этой

великой, безжественной мыслью, ушла она в уединеніи, и безчисленные опблески души его населяли его пустыню восхищительными мечтами. Непороченъ, какъ ангелъ, не имѣя понятія объ общеспівенныхъ предразсудкахъ, унижающихъ человека, просносердеченъ, какъ ребенокъ, онъ жилъ какъ птичка, какъ цвѣпокъ, распочая только одни сокровища воображенія поэтическаго: но возносясь молитвой къ Богу, но нисходя съ уничиженіемъ и покорностью, до мирнаго наслажденія швари; немовѣрное смѣшеніе двухъ созданій. Звѣзды были для него цвѣтами ночи; солнце опцемъ; птицы, друзьями. Вездѣ мечталась ему душа матери: часно видѣлъ онъ ее въ облакахъ, съ ней бесѣдовалъ, и они оба въ небесныхъ видѣніяхъ сообщались другъ съ другомъ..... Были дни, когда ему слышался голосъ ея, когда онъ восхищался ея улыбкой, дни, въ кои онъ не перлялъ ея..... Казалось, что Богъ ода-

рилъ его свойствомъ древнихъ пустынниковъ, внутреннимъ чувствомъ, болѣе совершеннымъ, необыкновенной душевной силой, которая позволяла ему вникать глубже другихъ въ тайну божественныхъ твореній. Его горести и страданія были какъ бы узлами, связывавшими его съ міромъ духовъ. Онъ стремился въ него, облеченный оружіемъ любви, чтобы найтись, осуществивъ такимъ образомъ, высшими звуками восторга, баснословное предпріятіе Орфея..... Онъ стремился въ будущность, въ небо, такъ какъ съ вершины своего утеса онъ носился по океану отъ одного предѣла горизонта до другаго.

Часто также, припадая во впадинѣ природою вышоченной въ обломкѣ гранита, и коей входъ былъ такъ узокъ какъ отверстіе норы, слабо освѣщенный палящими лучами солнца, которые проникая сквозь расщелины, позлащали

красивые мхи, украшавшіе это убѣжище, наспоющее гнѣздо морской пшпцы, часшо предавался онъ сладкому сну. Солнце, единспвенный власпелинъ его, одно говорило ему, что онъ спалъ, измѣряя шо время, въ кошорое для него исчезли его водяные ландшафпы, позмаченные пески, его раковины. Тогда мечпались ему, сквозь яркій блескъ, уподобляющійся свѣпу небесному, обширные города, о коихъ чипалъ онъ въ книгахъ; онъ глядѣлъ безъ зависти на Дворъ, на владыкѣ земныхъ, на сраженія, на людей, на памяпники..... Эпи видѣнія, являвшіяся ему среди дня, привязывали его еще сильнѣе къ любезнымъ его цвѣпамъ, къ облакамъ, къ солнцу, къ прекраснымъ гранипнымъ ушесамъ. Казалось, что ангель опкрывалъ предъ нимъ пропасти нравспвеннаго міра, и ужасныя попрясенія просвѣщеннаго общества, дабы болѣе привязать его къ уединенію..... Онъ чувспвовалъ, что если бѣ осмѣлился прои-

ши сквозь океанъ людей, душа его была бы скоро расперзана; онъ погибъ бы въ немъ, какъ цвѣшокъ, сокрушеннѣйшій паденіемъ съ высокаго окна на грязную улицу.....

Въ 1617 году, двадцать четыре года спустя послѣ той ужасной ночи, въ копорую Эрнестъ родился, Герцогъ Дерувиль, копорому минуло уже семьдесятъ пять лѣтъ, старый, дряхлый, едва живой, сидѣлъ при захожденіи солнца въ огромномъ креслѣ передъ готическимъ окномъ своей спальни, на томъ самомъ мѣстѣ, откуда нѣкогда Графиня, извлекая изъ охотничьяго рога слабые звуки, перявшіеся въ воздухъ, шщепно призывала на помощь Бога и людей.... Это были сущія гробовыя развалины. Широкое и могущественное лице его, копорое спрадана и лѣша лишили прежней мрачности, было блѣдно, и соответствовало оспашкамъ съдыхъ волосъ,

упадавшихъ около плѣшивой головы, коей пожелтѣвшій черепъ выказывалъ немощь. Воинскій духъ и фанатизмъ еще отражались въ сѣрыхъ глазахъ его, но ихъ умѣряло богобоязненное чувство. Набожность придавала какую то монашескую покорность чертамъ его лица, прежде столь грубымъ, а теперь избраженнымъ морщинами, укрощавшими его суровое выраженіе. Отраженіе заходящаго солнца пріятно опсвѣчивало еще могущественное чело его, а обезсиленный корпусъ, завернутый въ темную одежду, неподвижностью и тяжестью своею вполне довершалъ картину однообразнаго существованія и ужаснаго спокойствія эпого чловѣка, прежде столь предприимчиваго, дѣятельнаго, враждебнаго.

— Довольно!.... сказалъ онъ своему капелану, почтенному спарцу, который читалъ ему Евангеліе, стоя предъ нимъ въ почтительномъ положеніи.

Герцогъ, походившій на одного изъ пѣхъ спарыхъ львовъ, копорыхъ содержатъ въ звѣринцахъ, и копорые доспигають дряхлости еще исполненные величїя, обратился къ другому сѣдовласому спарцу, и просянуль къ нему руку, сухую, покрытую волосами, хопя еще жилистую, но уже безсильную.

— Теперь, врачъ, швоя очередь! вскричалъ онъ; посмотри, каковъ я сегодня....

— Все идешъ хорошо, милоспивый государь, жару нѣтъ.... Вы еще долго проживеша....

— Мнѣ бы хотѣлось, чшобъ Максимилянъ былъ здѣсь! прервалъ Герцогъ улыбаясь съ довольнымъ видомъ.... Это храбрый молодой человекъ! Теперь онъ командуешъ ропшою королевскихъ заспрѣльщиковъ.... Маршалъ

Данкръ покровишельспвуешъ ему!.....
 Благосклонная Королева наша обѣщала
 доставишь ему выгодное супружесство,
 и имя мое доспойно перейдешъ въ по-
 шомство... Онъ славно опличился при
 нападеніи.....

Въ эту минуту Берспранъ вошелъ,
 держа въ рукъ письмо.

— Чшо это?... сказалъ съ живостью
 старый Герцогъ.

— Письмо, кошорое Ея Величествво
 посылаетъ вамъ съ нарочнымъ, опвѣ-
 чаль оруженосецъ.

— Неуже ли Гугеношы опяшь взя-
 лись за оружіе? Тѣфу пропасшь! вскри-
 чаль Герцогъ, выпрямась, и бросивъ
 сверкающій взоръ на шрехъ спариковъ...
 Я опяшь вооружу своихъ солдашь и,
 когда Максимиліянъ будешъ со мной,
 шо Нормандія.....

— Сядыше, милоспвный государь, сказаль врачъ, боясь слишкомъ сильныхъ волненій для выздоравливающаго Герцога.

— Прочши, Корбино, сказаль спарикъ, подавая письмо духовнику своему.

Эпи. чепыре челоуѣка соспавляли любопышную каршину, поучишельную для челоуѣчеспва. Оруженосецъ, священникъ и лекарь, губыленные глѣпами, всѣ шрое спояли передъ своимъ повелишелемъ, сидящимъ въ креслахъ; слабый взоръ ихъ служиль исплюкованіемъ шѣхъ глубокихъ помысловъ, копорые наполняють душу людей, гошоващихся вспуишь въ вѣчнось; всѣ чешверо, безмолшвуя, освѣщенные блескомъ заходящаго солнца, предспавляли восхишительную каршину меланхоли, богашую прошивуположноспями. Эша мрачная и величеспвенная комнаша, въ копорой ничшо не перемѣнилось

въ продолженіе слишкомъ двадцати лѣтъ, служила превосходнѣйшей рамой эпой карпинѣ, исполненной поэзіи, представляющей людей съ угасшими спра- сьями, съ горестнымъ ожиданіемъ смерти, но исполненныхъ благочеспія....

— Маршалъ Данкръ убитъ на Луврскомъ мосту, по повелѣнію короля, попомъ....

— Кончай скорѣе! вскричалъ Герцогъ.

— Сынъ вашъ.....

— Что такое?.....

— Его нѣтъ болѣе на свѣтѣ...

Герцогъ склонилъ голову на грудь, тяжело вздохнулъ, и долго пребылъ безмолвенъ и неподвиженъ.

При эпомъ словѣ, при эпомъ вздо-

хъ, при спарика взглянули.. другъ на друга. Имъ казалось, что знаменитый и богатый домъ Дерувиль исчезалъ, подобно кораблю, упопающему въ волнахъ....

— Король, прервалъ Герцогъ, бросая грозный взоръ на небо, очень ко мнѣ неблагодаренъ!... Онъ вѣрно забылъ все, что я предпринималъ за честь его имени.....

— Это праведное небесное мщенье!... сказалъ священникъ важнымъ голосомъ.

— Посадите этого челоуѣка въ шпюрму!..... вскричалъ раздраженный Герцогъ.

— Меня вы легче можете заспавишь замолчать, чѣмъ вашу совѣсть.

Спарикъ задумался.

— Домъ мой погибнетъ!.... имя мое

угаснешь!... Я хочу женишься... имѣшь сына!... сказалъ онъ немного помолчавъ.

Врачъ невольно улыбнулся; хотя ужасно было выраженіе опчаянія на лицѣ Графа Дерувиль.

Въ эту минуту, посреди тишины, возвышаясь надъ слабымъ журчаніемъ моря; звуки, столь же свѣжіе какъ вечерній въперокъ, столь же чистые какъ лазурь небесная, столь же просѣтые какъ земеновашій цвѣтъ океана, раздались внезапно какъ бы для очарованія природы. Прелестъ этого ангельскаго голоса, мелодія словъ, жалобные звуки, все вливалъ въ душу чувство подобное обворожительному благоуханію. Гармонія носилась какъ бы въ облакахъ. Она наполняла воздухъ, она изливала крошкѣй бальзамъ на всѣ спраданія, или лучше, она укрощала ихъ. Голосъ сливался шакъ прелестно съ плескомъ волнъ, что казался выхо-

дящимъ изъ нѣдръ моря... Онъ былъ сладоспнѣе напѣвовъ любви; ибо въ немъ была очаровательная свѣжеспъ надежды.

— Чшо это шакое?... спросилъ Герцогъ.

— Это поенгъ нашей маленькой соловей. Мы шакъ называемъ старшаго сына вашей свѣшлосши..... ошвѣчалъ Бершранъ.

— Моего сына! вскричалъ шарикъ. У меня еспъ сынъ?... сынъ!

Онъ вскочилъ со спула, и началъ ходишь по комнашѣ, по медленными, по скорыми шагами; пошомъ, сдѣлавъ повелишельный знакъ рукой, онъ выслалъ всѣхъ вонъ, исключая священника.

На другой день по упру, Герцогъ, опираясь на стараго оруженосца, шель

вдоль морскаго берега, между ушесами, опыскивая сына, копорого нѣкогда проклялъ. Онъ увидѣлъ его издали, сидящаго въ ущельѣ гранишной скалы, небрежно раскинувшись на солнцѣ; голова его покоилась на мягкой правѣ, ноги были поджапы..... Онъ походилъ на спящую ласпочку..... Только чпо огромный спарикъ показался на берегу моря, и звукъ шаговъ его, заглушаемый пескомъ, слабо раздался, смѣшиваясь съ плескомъ волнъ, Эрнесъ оборотилъ голову, вскрикнулъ какъ пойманная пшичка, и скрылся въ скалѣ какъ мышка, копорая такъ проворно уходитъ въ щелку, чпо можно усомниться, почно ли видѣлъ ее.....

— Ну, къ чоршу! куда же онъ дѣвался?.... вскричалъ Герцогъ, подойдя къ ушесу, гдѣ сидѣлъ сынъ его.

— Онъ шамъ..... сказалъ Берспранъ, указывая на узкую щель закраины, ко-

ей были выпочены и испершы проливами.

— Эрнеспъ!.... сынъ мой!.... кричалъ шарикъ.

Насльдникъ не опвѣчалъ. Почпи цѣлое ушро Герцогъ просилъ, угрожалъ, бранилъ, умолялъ и не получалъ опвѣща. Онъ иногда умолкалъ, прикладывалъ ухо къ ущелью, и до слабаго слуха его доспигало одно судорожное прешаніе сердца Эрнеспа, коего скорое біеніе опзывалось подъ звонкими сводами.

— По крайней мѣрѣ, эпомъ живъ!... сказалъ шарикъ раздирающимъ голосомъ.

Въ полдень опчаянный отецъ прибѣгнулъ къ просьбамъ.

— Эрнеспъ, говорилъ онъ, милый
Прокл. сынъ.

Эрнеспъ, Богъ наказалъ меня за то, что я опвергъ тебя! Онъ лишилъ меня своего брата! теперь ты единственное дитя мое. Ты мнѣ всего дороже!.... Я узналъ вину свою; я знаю, что въ жилахъ твоихъ пещепъ моя кровь и кровь несчастной твоей матери, которую я сдѣлалъ несчастною; но приди!.... я постараюсь тебя заставить забыть всю мою несправедливость, обраща на одного тебя всю любовь, которую питалъ къ тѣмъ, кого лишился.

— Эрнеспъ, ты будешь Герцогомъ Дерувиль, Перомъ Франціи, Кавалеромъ многихъ орденовъ, начальникомъ спа вооруженныхъ челоѣкъ, великимъ судьей Бессеня, правителемъ Нормандіи во имя Короля.... владѣтелемъ двадцати-семи помѣстьевъ, сорока-девяти приходовъ.... Ты женишься на дочери Принца.... Ты будешь главой Дерувильскаго дома.... Развѣ ты хочешь, чтобъ я

умерь съ горести?... Прѣди, прѣди!
я буду спояшь на колѣняхъ здѣсь, пе-
редъ швоимъ убѣжищемъ, до шѣхъ
морь, пока увижу шебя.....

Но прокляшый сынъ, не разумѣя эпо-
го языка, напишаннаго обществеными
поняшїями, шщеславіемъ, для него не-
поспшижимымъ, и находя въ душѣ сво-
ей неизъяснимое впечатлѣніе ужаса,
оставался безмолвнымъ въ ужасной
шоскѣ.

Уже къ вечеру, старый вельможа,
испощивъ всѣ оборошы словъ, всѣ
просьбы, всѣ выраженїя раскаянїя,
какъ бы пораженный богобоязненнымъ
сокрушенїемъ, бросился на колѣна, и
далъ мысленно обѣшь:

— Клянусь..... соорудить прѣдѣль
во имя Свяшаго Іоанна и Свяшаго Эр-
несца, заступниковъ моей жены и сы-
на, усшановить въ немъ сто обѣдень

въ честь Бѣгородицы, если Богъ и Свя-
тые его возвращають мнѣ сына!....

Въ глубокой покорности споялъ онъ
на колѣняхъ и не видалъ своего сына,
надежду своего имени; крупныя слезы
капнулись изъ давно изсохшихъ глазъ
его и спруились вдоль впалыхъ щекъ.

Въ эту минулу Эрнеспъ, не слыша
болѣе шуму, придвинулся къ выходу
изъ гроша, какъ молодой ужъ, желаю-
щій погрѣться на солнцѣ. Онъ увидѣлъ
слезы старца, узналъ языкъ горести,
и, схвативъ руку опца, поцѣловалъ ее
и сказалъ ангельскимъ голосомъ:

— Проси! о машь моя!